

V B I И К К Е И Е Л Л А Н Н Д Д

ЧЕРТОВ НАХАЛ

L O V E

M O D E R N

18+

Annotation

Сбежав от нелюбимого жениха, Одри отправляется через всю страну в Калифорнию, чтобы изменить жизнь. На одной из пустынных заправок она встречает чертовски привлекательного мужчину с инициалами Ч.Н. на байке. Их знакомство начинается с перепалки и взаимных насмешек, а впоследствии — вынужденно — перерастает в восьмидневное путешествие, которое приносит им немало неприятностей. Поддавшись магнетизму незнакомца, Одри совершает воистину безумный поступок... Очнувшись на следующий день в одиночестве, она обдумывает случившееся и приходит в ярость. Теперь, чтобы вернуть все на свои места, ей придется отыскать Чертова Нахала во что бы то ни стало!

Интересно, каково это — чувствовать между ног рокошущего зверя? Жаркое полуденное солнце отражалось от хромовой поверхности припаркованного неподалеку «харлея», ослепительно сверкающего под палящими лучами.

Роясь в сумочке в поисках кошелька, я дождалась, пока закончилась звучащая по радио композиция группы «Maroon Five», но мои мысли были странным образом сосредоточены на этой двухколесной мужской игрушке. Конструкция мотоцикла отличалась простотой — блестящая черная с серебром поверхность, потертое кожаное седло с сумкой, на которой красовался череп с инициалами «Ч. Н.» под ним.

Как, наверное, здорово, нестись по шоссе на такой машине! Я представила: ветер развеивает мои волосы, руки обвивают торс мужчины с какой-нибудь брутальной кличкой, а мотор соблазнительно урчит между бедрами, обтянутыми узкими джинсами. Как его зовут? Жеребец? Бродяга? Стрелок? Нет, не годится. Погодите-ка... Прэз. Точно, моего воображаемого байкера зовут Прэз. И выглядит он точь-в-точь как Чарли Ханнэм в сериале «Сыны анархии».

Я бросила взгляд на свой мобильный, обнаружила полдюжины непрочитанных сообщений от Гаррисона и злорадно усмехнулась. Конечно же, мужчина по имени Гаррисон никогда не будет гонять на «харлее». Швырнув телефон обратно в сумку, я выключила двигатель припаркованного у обочины «БМВ» и, обернувшись, посмотрела на заднее сиденье. Там почти до потолка были навалены коробки с вещами, отчего у меня чуть не случился приступ клаустрофобии.

Автобус, полный пассажиров, медленно вполз на придорожную стоянку. Только этого не хватало! Пойду-ка я куплю что-нибудь поесть, иначе мне отсюда никогда не выбраться. Сейчас, после десяти часов пути из Чикаго в Темекулу в штате Калифорния, я уже находилась где-то в центре Небраски, а впереди еще двадцать с лишним часов езды до места назначения.

После пятнадцатиминутного стояния в очереди за куриными наггетсами в забегаловке «Папай» я заглянула в небольшой магазинчик сувениров. Я очень устала, и мне чуть дурно не сделалось при мысли о том, что придется сидеть за рулем еще часов пять, прежде чем я найду какое-нибудь место для ночлега. Зевнув, я решила немного задержаться на стоянке и порыться в сувенирчиках. Перебрав кучу безделушек, в конце концов я выбрала китайского болванчика в виде Обамы и стояла, бездумно потряхивая его и наблюдая, как голова президента качается взад-вперед с маниакальной улыбкой на лице.

— Берите не раздумывая, — произнес с усмешкой глубокий хрипловатый мужской голос у меня за спиной. Я вздрогнула от неожиданности, резко дернувшись, и нелепая статуэтка выскользнула из моих пальцев и упала на пол. Голова президента оторвалась от пружины, служившей ей шеей, и укатилась под прилавок.

Женщина, стоящая за прилавком, возопила:

— Мэм, извините, но вам придется заплатить. Двадцать долларов, пожалуйста.

— Вот дьявол! — пробормотала я с досадой, прослеживая траекторию укатившейся в угол головы.

Я наклонилась, чтобы поднять ее, и в этот момент снова раздался тот же хрипловатый голос:

— Подумать только, а ведь многие считают, что у этого парня есть голова на плечах.

У него австралийский акцент. Или мне это только кажется?

— По-твоему, это смешно, козел? — процедила я и, резко развернувшись, наконец-то оказалась нос к носу с обладателем этого соблазнительного голоса.

И застыла.

Обалдеть!

— Не стоит проявлять свою стервозную натуру по такому ничтожному поводу. — Кривя губы в ехидной улыбке, парень вручил мне безголовое туловище Обамы. — И, к вашему сведению, мне это вовсе не кажется смешным.

Я сглотнула и почти лишилась дара речи, не веря своим глазам, — передо мной стоял суший Адонис. Мне захотелось вцепиться ему в физиономию, чтобы с нее исчезла эта наглая улыбка, а надо сказать, это была очень красивая физиономия с точеными чертами и трехдневной щетиной, обрамленная густой копной каштановых волос с медным отливом. Твою ж мать! Безумно привлекательный парень! Вот уж не ожидала встретить такого красавчика в подобной дыре. Черт знает что — это же центральная Америка, а не австралийский буш какой-нибудь, в конце-то концов.

Я кашлянула, чтобы прочистить горло.

— Да уж, совсем не смешно.

Он протянул руку:

— Дате-ка мне эту хрень, мадемуазель, я заплачу за нее.

Прежде чем я успела ответить, он выдернул из моих рук части сломанной статуэтки. Вот ведь напасть — от мимолетного касания его руки по моей спине прокатилась волна дрожи. В довершение всего, от него исходил просто умопомрачительный запах.

Я проследовала вслед за незнакомцем к кассе, пытаюсь выудить из сумочки деньги, но он меня опередил, молниеносно оплатив покупку.

Красавчик торжественно вручил мне пластиковый пакет со сломанной безделушкой.

— В пакете — сдача. Купите себе немного чувства юмора.

Ю-Ю-МА-А-РА... Боже, какой акцент.

У меня челюсть отвисла, когда он выходил из магазина.

Вот это задница!

Я не верила глазам — прекрасная, сочная, аппетитная круглая задница, плотно обтянутая джинсами. Черт, у меня действительно слишком давно не было секса, если для меня не имел значения даже тот факт, что этот нахал только что оскорбил меня.

Я простояла несколько минут, уставившись невидящим взглядом на полку с безразмерными майками, исписанными глупым слоганом «Кукурузник из Небраски», а потом мысленно дала себе пинка под зад. Моя реакция на досадное происшествие говорила о том, что усталость берет верх, обычно я не столь вспыльчива. Пора отбросить неприятный осадок от этой странной встречи и двигаться дальше. В животе урчало от голода, и я уже предвкушала, как, сидя за рулем, буду вгрызаться в кусочки куриных наггетсов. Выйдя из магазина, я вытащила аппетитный кусочек из коробочки и с удовольствием сунула его в рот. Однако тут же перестала жевать, увидев своего обидчика неподалеку от моей машины, он сидел на том самом мотоцикле, смелые фантазии о котором одолевали меня совсем недавно.

Я попыталась осторожно пробраться к машине, надеясь, что парень меня не заметит. Не тут-то было. Увидев меня, он расплылся в ослепительной улыбке и приветливо помахал рукой.

Судорожно роясь в сумке в поисках ключей, я закатила глаза и процедила:

— Снова вы...

Он ухмыльнулся.

— Надеюсь, вы все-таки прикупили чувство юмора?

— Нет, я планирую приобрести для вас хорошие манеры.

Усмехнувшись, он покачал головой. Пригладив шевелюру, парень водрузил на голову блестящий черный шлем и запустил двигатель своего «харлея». Рокот мотора эхом отдался в моем теле, пронизывая его до костей.

Я забралась в машину, громко хлопнув дверью, но не смогла удержаться, чтобы не кинуть на незнакомца последний взгляд, будучи уверенной, что больше никогда в жизни не увижу этого типа. Он подмигнул мне сквозь прорези шлема, и сердце мое заколотилось от волнения.

В зеркало заднего вида я наблюдала, как красавчик выводил мотоцикл со стоянки. Я ожидала, что он стрелой рванет с места и мгновенно исчезнет из вида, но почему-то, медленно проехав несколько шагов, он внезапно остановился. Он старательно пытался снова завести мотор, но все усилия были напрасны. В конце концов, заглушив двигатель, парень стянул шлем и, с растерянным видом запустив в волосы пятерню, слез с мотоцикла и принялся осматривать его в поисках причины неполадки. Мне надо было бы уехать, но я не могла оторвать взгляд от парня, наблюдая за безуспешными попытками завести мотор. *Ох, ни фига ж себе!*

Я обмакнула кусочек курицы в горчицу с медом и бросила его в рот, продолжая наблюдать за этой сценой в ожидании увлекательного зрелища. Через пару минут красавчик вытащил телефон и начал кому-то звонить, нервно прохаживаясь взад-вперед. Затем, убрав телефон, парень повернул голову в мою сторону и одарил меня свирепым взглядом. Пойманная с поличным, я издала нервный смешок. Надо сказать, мне вовсе не хотелось насмехаться над ним, просто я не смогла сдержаться. Парень приподнял одну бровь, отчего мне еще больше захотелось рассмеяться. Наглый тип медленно направился в мою сторону, локтем прижимая шлем к боку. Он постучал в окно машины, и я вынуждена была его опустить.

— Думаешь, это очень смешно, мадемуазель?

— Ну, может, не очень... — фыркнула я.

— Ну что ж, я рад, что ты, в конце концов, овладела чувством юмора.

Ю-Ю-М-А-РА.

Черт, какой сексуальный акцент!

Он вытянул шею, чтобы рассмотреть, что творилось у меня на заднем сиденье, и, разумеется, заметил кучу коробок.

— Ты что, бездомная? Живешь в машине?

— Вовсе нет. Я в процессе переезда — через всю страну на другое побережье.

— И куда направляешься?

— В Темекулу.

— В Калифорнию? — Он понимающе кивнул. — Надо же, я тоже туда еду.

Я бросила взгляд в сторону его «харлея».

— Похоже, ты не скоро сможешь продолжить путь. Думаю, это расплата за то, что обозвал меня стервой.

— Да, похоже, так и есть.

— Что именно? Признаешь, что это расплата?

— Нет. Что ты стерва.

— Очень смешно.

— А знаешь, что хуже расплаты? — спросил он, еще ниже склоняясь к окну. Запах его туалетной воды сводил меня с ума.

— Что именно?

Он игриво подвигал бровями.

— Карма.

— Что ты имеешь в виду?

— Выйди-ка и погляди, что творится сзади у твоего бумера.

БУ-У-МЕ-РА

Я поспешно выскочила, обошла машину и увидела, что заднее правое колесо полностью спущено.

Что? Этого просто не может быть!

В отчаянии прижав ладонь ко лбу, я уставилась на нахала. Вид у него был крайне самодовольный.

— Ты что, издеваешься? Значит, все это время ты знал, что у меня спущено колесо?

— Конечно. Я заметил это в тот самый момент, когда ты лопала курицу и ржала надо мной. Поверь, нелегко было сохранять невозмутимый вид.

Разумеется, я не сумела бы самостоятельно поменять колесо, даже если бы речь шла о спасении собственной жизни. Неужели придется просить этого гнусного типа оказать мне услугу?.. Нет, это просто невозможно!

— Ты умеешь менять колесо?

— Конечно. Какой мужчина не умеет менять колесо?

— Ты мне поможешь? Я знаю, едва ли тебе захочется оказывать мне услугу... после нашей перепалки... но я в безвыходном положении. Не хотелось бы застрять в этой дыре на всю ночь.

— А можно нескромный вопрос?

— Спрашивай.

Он потер заросший щетиной подбородок.

— Насколько сильно ты хочешь поменять это колесо?

Я отпрянула от него.

— На что ты намекаешь?

— Оставь грязные мысли, красотка. Я вовсе не пытаюсь затащить тебя в постель, если ты это имеешь в виду. Ты не в моем вкусе.

— И кто же в твоём вкусе?

— Ну, мне нравятся женщины, которые при первой встрече не шипят на меня рассерженной гусыней.

— Спасибо за комплимент.

— Не стоит благодарности.

— Итак, что ты хочешь?

— Ну, как я понял из твоего хохота, ты в курсе, что в настоящий момент мой «харлей» испытывает технические трудности. Нужна деталь, которой у меня нет. Я только что вызвал эвакуатор. Но я ужасно тороплюсь, как и тебе, мне срочно надо попасть в Калифорнию.

— То есть ты намекаешь, что...

— Да, именно на это я и намекаю. Я меняю тебе колесо, а ты позволяешь мне поехать с тобой.

— Поехать со мной?

— Ну да, поехать с тобой.

— Что ты только что сказал?

— Ты не глухая.

Я тряхнула головой, чтобы отогнать образы, проносящиеся в моих мыслях. Может, я ослышалась в силу усталости, или он просто издевается надо мной?

— Я не могу пуститься в путешествие на несколько сот миль в компании с совершенно незнакомым человеком, — возразила я.

— Между прочим, это гораздо безопаснее, чем путешествовать в одиночестве.

— Пожалуй, если только ты не маньяк.

— Подумать только, от кого я это слышу? От террористки, обезглавившей американского президента!

Я не смогла сдержать смех. Ситуация приобретала оттенок безумия.

— Черт побери, мадемуазель, неужели ты смеешься?

— Ты меня вынудил.

Он протянул мне руку.

— Вижу, ты согласна?

Я проигнорировала его жест, скрестив руки на груди.

— Разве у меня есть выбор?

— Ну, в конце концов, ты могла вот его попросить поменять тебе колесо. — Он кивнул в сторону огромного, устрашающего вида типа, который с интересом наблюдал за нашей перепалкой. И выглядел он точь-в-точь как Герман Мюнстер из «Семейки монстров»^[1].

Издав глубокий вздох, я наконец сдалась.

— Я не против. В общем, согласна!

— Я знал, что ты это скажешь. А теперь вопрос — запаска у тебя есть?

— Конечно. Но, чтобы до нее добраться, придется вытащить некоторые из этих коробок.

Он просто взорвался от смеха, когда увидел груды вещей в моем багажнике.

— Черт возьми, что это за барахло?

Я взглянула ему в глаза и честно ответила:

— Здесь вся моя жизнь.

Мне пришлось выгрузить бесконечные коробки на асфальт. Мой невольный попутчик вытащил запасное колесо и тут же приступил к работе.

Когда он трудился над колесом, белая майка задралась, открыв загорелый мускулистый живот и тонкую полоску волос, уходящую под джинсы. Я невольно почувствовала возбуждение. Черт, срочно надо отвлечься. Я прошла к его мотоциклу и села на него, ухватившись за ручки и представляя, каково это — нестись с дикой скоростью, когда ветер развеивает твои волосы... Но это не помогло — перед глазами стоял только торс красавчика, и это не спасало меня от наваждения.

Его мускулистое тело выскользнуло из-под моей машины.

— Осторожней, мадемуазель. Это не игрушка.

Я соскочила с седла мотоцикла и провела пальцем по буквам на седле.

— А что означают буквы Ч. Н.?

— Это мои инициалы.

— Дай-ка, угадаю. Чертов Нахал?

— Послушай... Я бы назвал свое имя, но, раз ты такая умная, пожалуй, позволю тебе теряться в догадках.

— Как хочешь, Нахал.

Он снова лег на землю.

— Вот сейчас только подкручу болт, и можно будет ехать.

— Болт? Ха!

— Гайку на колесе, грязная ты девчонка.

— Ох. Понятно.

Он вскочил, задрал майку и вытер ею вспотевший лоб.

— Готово.

Вот черт!

— Как-то уж слишком быстро сработано, однако. Уверен, что колесо не отвалится?

— У меня действительно кое-каких шариков не хватает, в чем ты очень скоро будешь иметь возможность убедиться, но с твоим колесом все в порядке. — Он подмигнул, и я заметила симпатичные ямочки на его щеках. — Завтра нам, возможно, придется сделать остановку, чтобы раздобыть новое колесо. Эта запаска долго не выдержит.

Завтра? Вау. Неужели это все происходит со мной?

— Пора ехать, — бодро заявила я. — Сама поведу. Мне надо контролировать ситуацию.

— Как будет угодно, — покладисто согласился он.

Выезжая со стоянки, я чувствовала, как напрягается моя шея. По крайней мере, скучно, видимо, не будет. Между тем попутчик не терял времени даром, с удовольствием поглощая мои куриные наггетсы.

Я шлепнула его по руке.

— Эй, руки прочь от моего обеда.

— О, горчица с медом? А я предпочитаю соус барбекю.

Он облизал пальцы, а я мысленно обругала себя, потому что меня это чертовски возбудило. А ведь путь предстоял долгий.

Загадочно усмехнувшись, мой нахальный попутчик схватил целлофановый пакет из магазина сувениров.

— Ты туда уже заглядывала? — спросил он, потрясая им у меня перед носом.

— Какой смысл? Там всего лишь сломанная безделушка.

— Ты так думаешь?

С этими словами он передал мне пакет.

Одной рукой держась за руль, другой я вытащила из пакета вполне себе целую статуэтку.

— Что за... Это твоя работа?

— Мне показалось, эта хрень тебе понравилась, поэтому купил тебе еще одну, целую. Ты тогда была слишком занята — рылась в кошельке.

Я покачала головой, но не смогла сдержать улыбку.

— Ну, на-а-до же. Вот я и заслужил искреннюю улыбку. — Он протянул мне руку. — Лучше отдай мне это от греха подальше.

Я протянула ему статуэтку, и он оторвал от нее клейкую ленту, чтобы прикрепить фигурку к передней панели. Голова Обамы моталась взад-вперед в такт движению автомобиля.

Я смущенно рассмеялась, осознавая нелепость ситуации, но все же не могла не

отметить, что меня захлестнула теплая волна благодарности за столь милый поступок. Может, он вовсе и не такой уж наглец?

Мы некоторое время молчали. Мой спутник откинул голову на подголовник и прикрыл глаза. Где-то в районе шоссе I-76, когда закатное солнце озарило ярким оранжевым светом далекий горизонт, он повернулся ко мне.

— Меня зовут Чэнс, — произнес он сонным голосом.

— Обри, — произнесла я после нескольких секунд молчания.

— Обри, — повторил он с придыханием, словно пробуя мое имя на вкус, потом снова закрыл глаза и отвернулся.

Чэнс^[2], значит. Интересненько!

— Ты, похоже, собираешься записывать все это на голосовую почту? — Прищурившись, он глянул на мой мобильный телефон, жужжащий на передней панели. Проклятая трубка звонила примерно каждые полчаса, но теперь перерыв между вызовами сократился до десяти минут.

— Ага. — Трезвон прекратился, и я не стала вдаваться в дальнейшие объяснения, понадеявшись, что Чэнс не придаст этому значения.

Как бы не так. Минут через пять снова раздался звонок, и прежде чем я сообразила, что происходит, Чэнс схватил телефон.

— Звонит некий Гарри.

Чэнс поигрывал трубкой между большим и указательным пальцами, пока я не вырвала ее.

— Это Гаррисон. И не твоего ума дело.

— Поездка долгая. Быть может, мы это обсудим?

— Нет никакого желания.

— Посмотрим.

Прошло несколько минут, и раздался очередной звонок. Прежде чем я успела отреагировать, телефон снова оказался в руке Чэнса. Ему удалось от меня увернуться. Хитро блеснув глазами, он поднес трубку к уху.

— Алло.

У меня от такой наглости чуть глаза на лоб не полезли. В результате я едва не вылетела с дороги на обочину, притормозив в последний момент и буквально онемев.

— Привет, Гарри, Как поживаешь, дружище?

Легкий австралийский акцент, прежде едва заметный, неожиданно проявился отчетливее. В трубке послышался голос Гаррисона, но слов я не различила. Я взглянула на Чэнса. Он передернул плечами, улыбнулся и откинулся на спинку сиденья, явно находя ситуацию забавной. В этот момент я решила, что наше совместное путешествие пора заканчивать. Только бы добраться до следующего съезда, и он получит такой пинок под зад, что вылетит из машины. Пусть этот козел со своей идеальной круглой задницей катится пешком через всю чертову Небраску, и плевать я на него хотела.

— Ага, конечно. Она рядом. Но в данный момент мы в некотором роде заняты.

Следующий вопрос я услышала, он прозвучал громко и ясно. Чэнс отвел трубку в сторону, когда Гаррисон прорычал:

— Кто это, черт возьми?

— Меня зовут Чэнс. Чэнс Найтмен. Некоторые друзья называют меня Нахалом. — Чэнс выдал все это с такой безупречно вальяжной интонацией, что я живо представила, как багровеют вены на шее Гаррисона.

— Передай. Обри. Этот. Чертов. Телефон. — Каждое слово он будто выплевывал со злостью. Неожиданно я обнаружила, что прекратила беситься, и уже не возмущалась, что Чэнс ответил на звонок. Теперь я была в ярости, но по другому поводу. Что за наглость! Какое право Гаррисон имеет вообще на чем-то настаивать?

— Никак не могу, Гарри. Она сейчас... не может подойти.

В трубке послышался очередной поток ругательств.

— Послушай, Гарри, поговорим как мужик с мужиком, потому что ты, похоже, неплохой парень. Обри не отвечала на твои звонки из вежливости. Дело в том, что она просто не желает с тобой разговаривать.

Я буквально разрывалась, не зная, на кого из этих двух идиотов злюсь больше. И все-таки... О-БРИ-И. Я была готова придушить Чэнса, но в то же время мне хотелось вновь услышать, как он произносит мое имя. Что, черт возьми, происходит со мной? Я не слышала, что ответил Гаррисон, полностью поглощенная мыслями о том, как сексуально звучит мое имя, произносимое с австралийским акцентом. От того, как этот самоуверенный нахал выговаривал даже простейшие слова, меня охватывал трепет и мурашки бежали по коже. Время на мгновение остановилось, когда я представила глубокий хриловатый голос, шепчущий мне на ухо: «О-БРИ-И».

В реальность меня вернул притворный вздох, который Чэнс издал в трубку.

— Ну, ладно, Гарри. Лучше уймись прямо сейчас. Мы тут приятно путешествуем и не собираемся возвращаться, а твои навязчивые звонки действуют на нервы нашей девочке. Поэтому будь разумным мужиком и перестань нас беспокоить.

Подумать только, «нашей девочки». Очевидно, вена на шее Гаррисона вот-вот лопнет.

Чэнс не стал ждать ответа и прервал разговор.

Минут пять мы просидели в полном молчании. Видимо, он ожидал моей гневной реакции.

— Ты не собираешься кидаться на меня за то, что я не удержался и поболтал с Гарри? — насмешливо спросил он.

Костяшки моих пальцев, сжимавших руль, побелели.

— Я в процессе обработки информации, — сквозь зубы пробормотала я.

— Обработки информации? — повторил он все с той же насмешкой.

— Именно. Обработки информации.

— И что это значит, черт возьми?

— Это значит, что я не привыкла высказывать первое, что приходит мне на ум. Не то что некоторые невоспитанные придурки. Я осознаю свои эмоции и только после этого подбираю правильные слова.

— То есть фильтруешь дерьмо?

— Вовсе не так!

— Именно так. Если ты в бешенстве, скажи об этом. Выкрикни, если нужно. Стань стервой, но только на время, и покончи с этим раз и навсегда. Не надо оставаться стервой постоянно.

Дорога была абсолютно свободной, поэтому мне не составило особого труда нажать на тормоза и свернуть к обочине. Я пересекла три полосы движения и резко остановилась. Наступившую темноту нарушал только свет передних фар моей машины и автомобилей, проезжающих мимо. Я вышла, обогнула машину и встала со стороны пассажирского места, всем своим видом показывая, что жду, когда он выйдет. А затем, собрав всю свою злость и подбоченясь, заявила:

— Ты, чертов нахал! Я подбираю твою задницу на остановке, спасаю из затруднительного положения, а ты мало того, что влезает в мой автомобиль, сжираешь половину еды и переключаешь музыку под свой вкус, так в довершение всего еще и отвечаешь на мои телефонные звонки! Для твоих ушей не предназначенные!

Он скрестил руки на груди.

— Ты вовсе на спасала мою задницу. Я съел всего пару кусочков курицы с попкорном. От твоего музыкального вкуса меня тошнит, а звонки этого напыщенного мудака Гарри тебя явно расстраивали.

Я испепелила его взглядом.

Чэнс не остался в долгу.

О, Боже! Свет фар проезжающей мимо машины упал на его лицо, и тут я вспомнила. Номер тринадцать. Его выразительные глаза были именно того цвета. Мой любимый серо-синий оттенок, из упаковки мелков «Crayola». Именно он заканчивался у меня раньше всего, когда другие шестьдесят три едва успевали затупиться. Я обожала этот цвет, для меня это был не просто оттенок, которым я раскрашивала небо. В моей жизни был целый год, когда все лица в моих раскрасках имели этот прекрасный голубой оттенок с таинственным сероватым отливом. Я никогда не встречала предметов такого редкого цвета в жизни, и уж тем более глаз.

Честное слово, я позорно выпала из реальности, но Чэнс сумел спасти положение.

— О-о-бри, — примирительно произнес он.

О-О-БРИ.

Что б ему провалиться. Я промолчала. Я была в процессе... обработки информации.

— Я всего лишь пытался помочь. Гарри получил по заслугам. Я не знаю, кто он для тебя, но, кем бы он ни был, очевидно, что он обидел тебя. И ты не желаешь выслушивать его извинения. Так пусть он пострадает какое-то время, думая, что ты в машине с другим мужчиной. Он должен знать, что вокруг такой женщины, как ты, мужики ходят толпами. И пусть всегда об этом помнит.

Такой женщины, как я?

Я изо всех сил пыталась сохранить возмущенный вид, но злость куда-то исчезла.

— Ну, просто на будущее, не хватай мой телефон без спроса.

— Слушаюсь, мэм.

Я благосклонно кивнула, пытаюсь ощутить хотя бы слабый вкус победы. Не могла же я перестать злиться только потому, что у него такой сексуальный голос и глаза цвета мелка номер тринадцать. Или могла?

— Не возражаешь, если я ненадолго сяду за руль?

Я не могла похвастаться хорошим ночным зрением, глаза от напряжения уже начали затуманиваться.

— Ладно, садись.

Он открыл дверцу, подождал, пока я села на пассажирское сиденье, закрыл ее и обошел машину с другой стороны. Прежде чем сесть за руль, Чэнс наклонился, подобрал что-то с земли и бросил в сумку на заднем сиденье, а затем поправил кресло так, чтобы ему было удобнее.

— Что это ты там подобрал?

— Ничего. — Ну конечно, плевал он на мой вопрос. — Водитель выбирает музыку, — объявил Чэнс и отъехал от обочины.

— Ты переключал каналы каждые пять минут, когда я была за рулем.

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Правила изменились.

Сидя на пассажирском сиденье, я могла незаметно изучать его, пока он сосредоточился на дороге. О, Боже, эти ямочки на щеках! На четко очерченном подбородке заметно

пробивалась легкая щетина, и мне это нравилось. Действительно нравилось. Только бы он сидел за рулем подольше.

Спустя три часа, почти в полночь, мы решили остановиться на ночлег. Мы проехали достаточно много, почти столько, сколько я и планировала, несмотря на то, что несколько часов были потрачены на смену колеса.

Женщина за стойкой гостиницы так погрузилась в игру на своем смартфоне, что едва бросила на нас рассеянный взгляд, когда мы подошли, и тут же снова уткнулась в экран, с гораздо большим интересом.

— Могли бы мы снять номер на одну ночь? — спросил Чэнс.

— Хм, пожалуйста, два номера, — уточнила я.

— Зачем? Я собираюсь снять один номер с двумя кроватями.

— А я не собираюсь делить с тобой комнату.

— Поступай, как знаешь. — Чэнс пожал плечами и снова переключил внимание на администратора гостиницы. — Она просто боится, что если окажется со мной в одном номере, то не удержится и начнет ко мне приставать. — Нахал подмигнул женщине, и даже ее темная кожа не смогла скрыть румянца смущения.

Я только закатила глаза, потому что слишком устала для новой перебранки, и обратилась к служащей:

— Не могли бы вы дать мне номер с окнами на запад, только не на первом этаже. И четное число, если можно.

— А мне с кроватью и туалетом, если такое возможно. — Чэнс ухмыльнулся, решив, что уел меня.

— Я могу предложить вам номера двести семнадцать и двести восемнадцать. Они как раз по соседству.

— Прекрасно. Она ведь на самом деле хочет быть ко мне поближе.

Не знаю, что подействовало на меня больше — его идиотские шуточки или то, что я очень устала, проведя столько часов в дороге, но я только засмеялась, не пытаясь возражать или пререкаться.

Чэнс выглядел при этом немного удивленным.

Женщина протянула каждому из нас ключи и шоколадное печенье.

— Если хочешь, можешь съесть мое. Я стараюсь не есть на ночь.

— О да, я бы с радостью съел тебя.

— Что ты сказал?

Он недоуменно обернулся.

— Я сказал, что с радостью съел бы твоё печенье.

Боже. Да мне просто необходимо выспаться! А еще принять холодный душ.

Чэнс разнес наши вещи по номерам, и я не могла не отметить, что он пропустил меня вперед, когда мы выходили из лифта. Несмотря на всю его бесцеремонность, у засранца были хорошие манеры.

— Доброй ночи, вредина.

— Пока, нахал.

Я была рада, что он не произнес моего имени; мне и так было не по себе от того, что придется спать через стенку с таким горячим парнем.

Минут через пятнадцать я закончила все приготовления ко сну и с удовольствием юркнула в постель. Сделав глубокий вдох, я позволила себе расслабиться и насладиться

приятной мягкостью матраса.

Внезапный стук в дверь заставил меня подпрыгнуть.

Я с раздражением вылезла из кровати и, стоя на цыпочках, посмотрела в дверной глазок. И почему эти штуки всегда находятся так высоко? С удивлением я обнаружила, что с другой стороны никого не было.

Стук раздался снова.

Я включила свет. Звук шел не от входа, но от внутренней двери, которую я поначалу даже и не заметила.

Дверь, которая вела в комнату Чэнса.

Я отодвинула задвижку и приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы можно было узнать, что ему нужно и тут же захлопнуть ее перед его наглым носом. Со скучающим видом Чэнс стоял, облокотившись о стену.

С голым торсом.

На нем были только темно-серые боксерские трусы, которые облегали его как вторая кожа.

С минуту я пыталась понять, что ему нужно, и не решалась задать вопрос. Он же всего лишь поигрывал в руках зубной щеткой и вел себя довольно мирно.

— По-моему, мы уже установили, что я не серийный убийца.

Я открыла дверь пошире.

Чэнс одарил меня улыбкой.

О, Господи. Пусть это прекратится, и немедленно.

— Должно быть, я оставил зубную пасту в дорожной сумке. Она в машине.

— Вот как? — Я судорожно сглотнула.

Чэнс склонил голову набок, его брови сошлись на переносице.

— Одолжишь пасту?

— Ну... да, конечно.

Он протиснулся мимо меня в номер и направился в ванную. Я осталась ждать у двери.

— Для одной ночи у тебя здесь слишком много женских штучек, — произнес он со ртом, полным зубной пасты, и зачитал вслух всю информацию на этикетке моих духов от Эсте Лаудер: — Париж, «Private Collection Tuberose Gardenia».

Я слышала, как он чистит зубы и полощет рот. Значит, воспользовался моим ополаскивателем. Да и пожалуйста, мне не жалко.

Чэнс вышел и выключил свет в ванной комнате.

— Тубероза — это роза?

Я покачала головой, все еще сбита с толку происходящим.

— Теперь понятно, — пробормотал он.

— Что тебе понятно?

— Я весь день гадал, чем от тебя пахнет. Не думаю, что прежде мне приходилось нюхать туберозу. — Он пожал плечами и направился к себе в номер, но у двери обернулся. — Даже твои крошечные черные трусики пропахли этим запахом.

От возмущения я вытаращила глаза. Я и забыла, что, скинув лифчик и трусики, оставила их в ванной.

— Ты... ты...

— Расслабься. Я шучу. Неужели я похож на бельевого фетишиста?

Да.

Ладно, это глупость. Конечно же нет. Но что, если?..

— Спокойной ночи, Обри. — Чэнс улыбнулся, предсказуемо сразив меня своей невероятной улыбкой, и скрылся за дверью.

О-ОБРИ-И. Черт его побери!

Я закрыла дверь и дважды проверила надежность запора, непонятно только, для чьей безопасности, Чэнса или моей. Его голос, произносивший мое имя, все еще звучал в голове, становясь, по мере того как я погружалась в сон, все тише и тише с каждым вдохом, словно убаюкивающая колыбельная.

Пока в дверь снова не постучали.

Должно быть, я действительно успела провалиться в сон на несколько секунд перед тем, как встать и открыть дверь. Снова.

— Не хочешь посмотреть какой-нибудь фильм?

В моей комнате было абсолютно темно, а в его номере ярко горел свет. С минуту мои глаза привыкали к нему. А когда я смогла видеть, то уставилась на нижнее белье Чэнса. Вместо того, чтобы отказаться и захлопнуть дверь, я начала с ним спорить. Снова.

— Я не собираюсь смотреть кино с малознакомым парнем, который заявился ко мне в одном белье.

Чэнс взглянул на свой пах и затем снова на меня.

— Почему это? Не похоже, чтобы у меня была эрекция.

На минуту я впала в ступор из-за его наглого комментария... и тут же начала представлять его с эрекцией. Я почувствовала, что мне некуда девать глаза. Стоило опустить взгляд, как он тут же упирался в его впечатляющее достоинство. А если поднять — Чэнс тут же догадался бы, о чем я думаю.

Негодяй понимающе усмехнулся.

— Так и быть, я, пожалуй, надену шорты.

Понятия не имею, с чего я затеяла эту дискуссию, когда в действительности не имела ни малейшего желания смотреть кино. Чэнс исчез, но уже через минуту вернулся, в свободных шортах, из которых все еще виднелся поясok его боксеров, на котором красовался лейбл Calvin Klein. Но теперь, когда можно было не смущаться видом его облегающего белья, оказалось, что свободные шорты еще хуже. Теперь, когда его крепкие ягодицы оказались прикрыты, я невольно обратила свое внимание на потрясающие мышцы груди. И живота... Чуть приспущенные на узкие бедра шорты обнажали рельефные мышцы, формой напоминавшие букву V.

— Твоя очередь, — потребовал Чэнс.

Я бросила на него непонимающий взгляд.

— Если я не могу ходить в нижнем белье, то и ты не можешь сидеть тут в ночной рубашке.

— А что не так с моей рубашкой? — спросила я с вызовом.

Чэнс скользнул взглядом по моей груди, и его губы изогнулись в очаровательной плутовской усмешке.

— Все в порядке. Ради бога, оставайся в ней, я не возражаю.

Я опустила глаза и обнаружила, что надела белую рубашку без лифчика. Соски выпирали так явно, словно желали проткнуть тонкую ткань.

Минут двадцать мы спорили, какой фильм посмотреть, и остановились на фильме ужасов, смотреть который на самом деле у меня не было ни малейшего желания. А пятью

минутами позже я уже спала, накинув свитер поверх рубашки, а Чэнс сидел рядом на моей двуспальной кровати.

Когда я проснулась на следующее утро, Чэнс был в своем номере, а дверь, соединяющая наши комнаты, была открыта. Я слышала, как он говорил по телефону, рассказывая кому-то о своих планах на день. При этом он явно лгал, так как я была уверена, что он и не собирается проводить весь день в Лос-Анджелесе.

Позавтракать мы решили в придорожной забегаловке неподалеку от гостиницы.

Я решила сразу же заказать напиток.

— Мне, пожалуйста, тройной ванильный латте с обезжиренным молоком. Очень горячий и с небольшим количеством пены.

Чэнс посмотрел на меня, сощурившись, а затем повернулся к официантке.

— Вы поняли, что она сказала?

Берта — именно это имя было обозначено на бейджике официантки — не являла собой образец любезности.

— У нас тут просто кофе — обычный или без кофеина, — монотонно сообщила она, подавая кофейник.

— Ну, тогда мне черный кофе.

— Мне тоже, — произнес мой спутник.

Официантка налила кофе в чашки.

— Сейчас вернусь и приму у вас заказ.

Чэнс засмеялся, тряся пакетиком с сахаром. Интересно, что его так рассмешило? Я скрестила руки на груди.

— И что тут смешного?

— Ты.

— А что со мной не так?

— Ты действительно думаешь, что можешь заказать свой мудреный напиток в подобном заведении?

— Латте есть везде. Даже в «Макдональдсе».

— Давай закажем тебе на завтрак «Хэппи Мил» — с маленькой игрушкой внутри. Тогда ты будешь довольна?

Покачивая головой, я принялась изучать меню. Там не обнаружилось ничего, что я могла бы съесть.

— Тут все такое жирное...

— М-м-м... бекон. Небольшое количество жира тебя уж точно не убьет.

— Я уже потребила месячную норму жира... вчера. Помнишь куриные наггетсы?

— Месячную норму жира?

— Именно. — Я не смогла сдержать тяжелый вздох. — В этом меню практически нет здоровой еды. Seriously, я даже не знаю, что заказать.

— Не беспокойся. Я сам закажу.

— Что? Нет, не надо.

Чэнс поднял палец.

— Берта, милая, мы готовы сделать заказ.

Боже, он способен заставить покраснеть даже эту угрюмую официантку.

— Что вы хотите заказать?

Чэнс ткнул пальцем в меню.

— Лично я буду вот это холестеринное и очень аппетитное, судя по описанию, блюдо. Его название, «Сердечный приступ», меня пленило. А даме — тост из ржаного хлеба, только без масла, пожалуйста.

— Сию минуту.

— Значит, все, что мне полагается, — это пустой тост?

— Нет, конечно, можешь присоединиться к моему «Сердечному приступу». Ты просто еще не разобралась в себе. Заказав тост, я всего лишь хотел показать тебе, что на самом деле ты вовсе не хочешь его, хоть и настаиваешь на здоровой пище. А то, что ты считаешь вредным, желаешь больше всего — где-то там, глубоко в душе.

— Да неужели...

— Конечно. Чем сильнее ты стараешься быть хорошей и правильной, тем больше в глубине души стремишься к тому, что считаешь порочным. А поэтому ты не просто попробуешь мою нездоровую жирную пищу, но еще и будешь уплетать ее с огромным количеством моего петушиного соуса, и, уверяю, тебе это понравится.

— Прости... С каким, каким соусом?

Чэнс захохотал и, склонив голову, расстегнул карман куртки. Потом со стуком плюхнул на стол маленькую красную пластиковую бутылочку. И в самом деле — на этикетке в центре красовалось изображение петуха.

— Вот, петушиный соус. Известен также под названием сирача. Это тайская разновидность соуса чили. Как попробовал его однажды, так всюду теперь таскаю с собой, обалденная вещь, ты наверняка оценишь.

Берта принесла большое овальное блюдо, на котором лежала целая гора из кусков омлета, жареного картофеля, сосисок, бекона, канадской ветчины и хэша из соленой говядины. Она поставила блюдо перед Чэнсом, а передо мной — маленькую тарелочку с тостом.

Чэнс, не долго думая, начертил на всем этом великолепии красную сеточку из соуса, а потом запустил туда вилку, едва ли не облизываясь и в то же время с хитрецей наблюдая за моей реакцией.

Одарив его презрительным взглядом, я откусила большой кусок тоста, твердо намереваясь воздержаться от пиршества. По правде говоря, я просто умирала от голода.

Упорно стараясь не смотреть на блюдо с вредной едой, я подняла глаза и уставилась на бейсболку Чэнса. Он приобрел ее в сувенирной лавочке при гостинице и надел козырьком назад. Из-под нее в беспорядке выбивались каштановые волосы, и, надо сказать, выглядел он весьма привлекательно. Сквозь окно, у которого мы сидели, струились солнечные лучи, отчего его синие глаза оттенка номер тринадцать казались еще ярче.

Черт бы его побрал!

Звук его голоса выдернул меня из мечтаний.

— Ты же действительно этого хочешь, Обри.

Что? Чэнс заметил, что я его разглядываю, или же он говорит о еде?

Он разрезал сосиску пополам, нанизал на вилку и попытался скормить мне, сверкнув зубами в соблазнительной улыбке.

— Ну, давай же! Всего один кусочек.

От сосиски исходил пикантный и безумно аппетитный запах... Не в силах противостоять соблазну, я открыла рот и позволила Чэнсу это сделать.

— М-м-м... — только и могла промычать я, медленно жуя сочную сосиску с закрытыми от удовольствия глазами, смакуя каждый кусочек. Когда я открыла глаза, то увидела, что взгляд Чэнса прикован к моим губам.

— Хочешь еще? — произнес он хрипловатым голосом.

Мой рот наполнился слюной.

— Давай.

На этот раз Чэнс взял кусочек бекона и скормил его мне рукой. Я не могла не признать, что он был прав насчет тайского соуса. Он подходил решительно ко всему.

— Еще?

Я облизала губы.

— Да.

Чэнс скормил мне еще три кусочка. Когда я застонала от удовольствия, он уронил вилку, которая со звоном упала на стол.

— Черт возьми! Еда, конечно, вкусная, но не до такой же степени!

Мой рот был набит беконом, и я с трудом произнесла:

— Что ты имеешь в виду?

— Когда тебе в последний раз было действительно хорошо?

— Что-о?

— Черт возьми, принцесса. Я имею в виду, когда ты как следует с кем-нибудь трахалась?

Я почувствовала, что краснею. Да что у него за вопросы?

— И какое отношение это имеет к завтраку?

— Такая реакция на еду может быть только при крайней степени сексуальной озабоченности. — Чэнс игриво пошевелил бровями. — Принц Гарри был явно не на высоте, не так ли?

— А вот это уже не твое дело!

— Твое лицо сейчас краснее соуса. — Чэнс подался ко мне и прошептал: — Обри, когда в последний раз ты испытывала оргазм во время секса?

— Какая тебе разница?

Но он продолжал допытываться еще настойчивее:

— Нет-нет, скажи. Как давно это было?

— Ну, допустим, в колледже, — буквально выдавила я из себя.

Какого черта я с ним разоткровенничалась?

— Поверить не могу, что я это сказала.

Мне было очень неловко, и это еще слабо сказано.

Он глубоко вздохнул.

— Не стоит смущаться. Хотя буду откровенен — я в шоке. Такая женщина, как ты, должна быть с мужчиной, который умеет доставить удовольствие.

— А тебе-то какое дело? Ты все твердишь «такая женщина, как ты», и прочее бла-бла, но что-то не похоже, чтобы ты был от меня в восторге.

Чэнс откинулся на спинку стула и некоторое время смотрел в окно, а потом снова взглянул мне в глаза.

— Ну, почему же, я в восторге... как от занозы в заднице... Понимаешь, на самом деле ты мне очень нравишься, Обри. Ты такая забавная. Нет, я, пожалуй, неточно выразился... Хотя, ну да, ха-ха — забавная. Такая вся из себя правильная. Хотя и не лишена остроумия. Быстро реагируешь. И чертовски хорошенькая, — Чэнс опустил взгляд, словно не решаясь продолжить. — Что же случилось у тебя в жизни?

— Что ты имеешь в виду?

— Почему ты пытаешься сбежать от этого типа, Гаррисона? — Я медлила с ответом, и Чэнс жестом подозвал Берту. — Можно нам еще кофе?

Я так и не поняла, что на меня нашло. Возможно, все дело в остром соусе. Какая-то часть меня вдруг возжаждала выплеснуть все, что накопилось на душе. После того, как Берта наполнила наши кружки, я пустилась в откровения.

— Гаррисон — глава юридической фирмы в Чикаго, где я работала. В отделе патентного права и товарных знаков. Мы жили вместе чуть больше года. Сняли квартиру. А пару месяцев назад я узнала, что он изменяет мне с одной из практиканток. Поэтому я и...

— Съехала с квартиры?

— Ну да. И ушла с работы. Каждый день в течение последних нескольких недель Гаррисон пытался убедить меня, что я совершаю большую ошибку, что порчу себе карьеру, потому что он готов сделать меня партнером по бизнесу гораздо раньше, чем я бы этого достигла собственными силами. Но я бросила все и устроилась на первую попавшуюся работу в небольшой начинающей фирме в Темекуле. Признаюсь честно, мне страшно. Я никого не знаю на Западном побережье и сомневаюсь, что приняла правильное решение. Не уверена даже, что по-прежнему хочу работать юристом. Я чувствую себя полностью потерянной.

От этого признания у меня на глазах даже слезы выступили. Чэнс смотрел на меня пристально, с необычно серьезным выражением лица, которое я раньше у него не замечала.

— А что тебе на самом деле больше всего интересно?

После минуты размышлений мне на ум пришло только одно. Я нервно хихикнула.

— Ничего особенного... За исключением, пожалуй, животных. Мне нравится все, что с ними связано. Когда-то я хотела быть ветеринаром, но отец — он был адвокатом — настоял на том, чтобы я пошла по его стопам.

— Не значит ли это, что тебе приятнее иметь дело с животными, чем с людьми?

— Пожалуй. Иногда мне действительно так кажется.

Он поскреб подбородок и улыбнулся.

— Ты обязательно найдешь свой путь в жизни. Я в этом уверен. Неприятности, приключившиеся с тобой в Чикаго, еще слишком свежи в памяти, чтобы как следует все обдумать и принять правильное решение. Когда ты окажешься в Калифорнии, смена обстановки пойдет тебе на пользу. Там можно не спеша разобраться в себе и понять, что ты действительно хочешь, а потом составить план действий по достижению новой цели. Ты же хозяйка своей судьбы — правда, за исключением ближайших двадцати четырех часов. Сейчас командовать буду я. — Чэнс подмигнул мне и лукаво улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. — Мы с тобой в одной связке, хочешь ты этого или нет.

— Полагаю, ты прав, — улыбнулась я в ответ. Чэнс притягивал меня все больше и больше, и от этого мне становилось не по себе. Я же ничего о нем не знаю. — Ну, теперь твой черед. Кто ты на самом деле, Чэнс Найтмен? Как давно ты живешь в Соединенных Штатах?

— Ну вообще-то, я здесь родился. Но переехал в Австралию, когда мне было пять лет. Мой отец, профессиональный футболист, подписал контракт с местной командой и играл за нее, а потом перешел на тренерскую работу. Я вырос в особом мире, среди спортсменов, потрясающей австралийской природы и без особых забот о будущем.

— Звучит нереально круто.

— Так и есть... вернее, было какое-то время. А потом все изменилось. — Он сглотнул и неожиданно помрачнел.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, это долгая история...

Тут зазвонил мой телефон, и разговор прервался. Это, разумеется, был Гаррисон. Вот дерьмо.

Кисло улыбнувшись, я развернула телефон, чтобы показать Чэнсу имя надоедливого абонента.

Уже отработанным движением он выхватил у меня телефон.

— Привет, Гарри! — сказал он в трубку. — Ты полный придурок.

Я услышала приглушенный голос Гаррисона:

— Немедленно передай телефон Обри!

— Мы с Обри только что перемыли тебе кости. Сидим тут, завтракаем. Она взяла крошечную сосиску и говорит мне: «Видишь? Точь-в-точь такой размер, как у Гарри».

По звукам, доносившимся из телефона, было ясно, что Гарри пришел в крайнее бешенство:

— Ах ты, мерзкий ублюдок! Передай Обри, что если она свяжется с такой швалью, как ты...

Чэнс хмыкнул и нажал на сброс.

— Ну что, готова ехать?

— Это было весело. — Подняв руки, мы хлопнули друг друга по ладоням. — Да, готова.

— Пока, Берта! — Чэнс помахал официантке.

— Пока, горячий парень.

Я закатила глаза, но не смогла сдержать смех.

Он шел впереди меня, и я с удовольствием рассматривала его широкую спину. Было прекрасное, ясное утро. Я заявила Чэнсу, что на этот раз сама сяду за руль. Честно говоря, мне просто необходимо было передохнуть и отвлечься от лицезрения его ясных глаз и красивого лица. Я испытывала сильное влечение к Чэнсу, и от этого мне было не по себе. А еще, будучи водителем, я завладела возможностью контролировать радиоприемник.

— Майкл Болтон? Неужели это твой выбор, Обри? И ты думаешь, я буду сидеть спокойно, слушая эту порнуху?

— Что-о? Зануда! Да он просто прекрасен! У него такой глубокий голос.

Чэнс принялся голосить, повторяя слова песни «Когда мужчина любит женщину». Это было ужасно. Импровизированный дуэт Чэнса и Майкла все же заставил меня переключиться на другую радиостанцию.

Вскоре мы сделали остановку, чтобы заправиться. Наполнив бак, Чэнс пошел в минимаркет, чтобы взять нам что-нибудь перекусить.

Когда он вернулся в машину с большим бумажным пакетом в руках, я посмотрела на него и застыла, пораженная до глубины души и так и не повернув ключ зажигания.

Под носом у него были явные следы порошка. Белого порошка.

Вот дерьмо! Неужели Чэнс сидит на коксе? Поверить не могу, что он ходил в уборную нюхнуть дорожку...

— Ты собираешься заводить машину или нет? — проворчал он.

Мне стало тяжело дышать, внутренне я уже приготовилась к разочарованию.

— Скажи мне правду.

— Хм. О'кей, — он растерялся. — Ты о чем?

— Ты нюхал кокс в туалете?

Его глаза потемнели.

— Обри, какого черта? — Он явно впал в ступор. — Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— У тебя белый порошок под носом!

Чэнс закрыл глаза и разразился громким хохотом. Он ни разу так не смеялся за все время нашего путешествия. Пытался что-то сказать, но снова давился от смеха и хватался за грудь. Взглянув на себя в зеркало на солнцезащитном щитке, Чэнс смахнул порошок над губой. А потом, все еще смеясь, поднес палец к моим губам и уверенно произнес:

— На. Попробуй.

Я оттолкнула его руку.

— Ну уж нет!

— Пробуй-пробуй!

Я нерешительно слизнула порошок с его пальца. На вкус он напоминал что-то вроде виноградного «Кулэйда»^[3].

— Сладкий.

Чэнс открыл бумажный пакет, извлек из него конфеты «Пикси Стикс», заполненные сладким белым порошком, и швырнул их мне с усмешкой.

— Вот ваш кокаин, мадам.

Я облегченно вздохнула, но почувствовала себя при этом полной идиоткой.

— «Пикси Стикс»? Господи, неужели тебе это в самом деле нравится?

— Да я от них просто без ума.

— Ты как ребенок. Это ж сахар в чистом виде. Я их в рот не брала с самого детства.

— Мне больше нравятся с начинкой из жележных конфеток, но эти тоже ничего, — вдохновенно поведал Чэйс, ничуть не чувствуя себя смущенным. Но затем он опустил глаза. — Поверить не могу, что ты вообразила, будто я нюхаю кокс. Да, я далек от совершенства, но никогда в жизни не баловался наркотой.

Было видно, что его всерьез задела мои подозрения. Я сидела пристыженная и так и не завела мотор.

— Прошу прощения за то, что сделала скоропалительные выводы. Просто... Я же тебя совсем не знаю...

— Ну что ж, пришла пора познакомиться как следует, — произнес он уже более мирным тоном.

После нескольких минут молчания я заговорила снова:

— Зачем ты едешь в Калифорнию?

— Вообще-то, я там живу.

Я знала, что хотела спросить на самом деле, вот только никак не могла понять, почему это так важно для меня. Сердце мое отчаянно колотилось.

— А с кем ты разговаривал утром?

Казалось, мой вопрос озадачил Чэнса.

— Что?

— Из своей комнаты я случайно услышала разговор. Ты кому-то рассказывал про свои планы на день. Солгал, заявив, что ты сейчас в Лос-Анджелесе.

Он ответил не сразу.

— Все очень сложно, Обри, — тихо произнес он и замолчал, отвернувшись к окну. Казалось, он полностью погрузился в свои мысли.

— Какой содержательный разговор. Я довольна, что задала этот вопрос, — с горечью

произнесла я и, нажав на газ, двинулась в сторону шоссе.

Мы долго ехали в полном молчании. Чэнс выглядел напряженным и сидел, поедая одну конфету за другой. Примерно через полчаса я все же решила разрядить атмосферу.

— Как тебе удается сохранять такую прекрасную форму при таком неправильном питании?

— Таким образом ты даешь понять, что находишь мое тело привлекательным? Признайся, тебе нравится то, что ты видишь перед собой?

— Я вовсе не это имела в виду...

— Конечно, нет, но намек я понял.

— Козел.

— Много-много секса, Обри. Вот как мне это удастся.

— Неужели?

— Шучу, конечно. Мне просто страшно захотелось увидеть, как твое личико от смущения покрывается очаровательным розовым румянцем. — Он гнусно ухмыльнулся. — Что касается ответа на твой вопрос, могу сказать, что я просто много занимаюсь физическими упражнениями, да и лопаю не так уж часто. Но во время путешествий все правила здорового питания можно послать куда подальше. Надо есть то, что хочется, чтобы сохранить душевное равновесие.

— Ну, судя по тому, что я вижу, ты полный псих, так что это твое правило не срабатывает.

Он одарил меня озорной улыбкой, и я улыбнулась в ответ. Неприятный осадок от нашего недавнего разговора полностью улетучился.

— Подай мне, пожалуйста, пакетик с солеными крендельками.

Он вытащил крендельки из бумажного пакета и протянул мне, а затем бросил взгляд на заднее сиденье, заваленное коробками.

— Кстати, интересно, что там у тебя в этих коробках?

— Руки прочь от моего добра!

— Я думаю, среди этого барахла найдется немало сокровищ, которые расскажут мне о твоей жизни.

Он принялся наугад вытаскивать вещи из моих сумок.

— О, надо же, какая любопытная книга. «Счастливая стерва: откровенное пособие для женщин, которые хотят оставить все беды в прошлом, жить в свое удовольствие и чувствовать себя королевой».

Я поперхнулась воздухом. Он то и дело заставлял меня чувствовать себя идиоткой.

— Немедленно положи книгу назад и не прикасайся больше к моей сумке!

— Хорошо. Интересно, что ты все-таки там прячешь?

Вот черт. Чэнс продолжал копаться в сумке.

— А это что такое?

О, нет, только не это!

Он извлек на свет вибратор телесного цвета, очень реалистичный.

— Принцесса... Что я вижу? Силиконовый член в коробочке со стразами? Не удивительно, что тебя не сильно беспокоило, что Гарри не справляется со своими обязанностями. Взяла дело в свои руки?

— А ну отдай!

Чэнс меня, конечно, не послушал. Он вытащил вибратор из коробки.

— Боже, как ненадежно он выглядит. Мы могли бы найти лучшую замену этому прибору.

— Чэнс... Ну, серьезно. Я не шучу. Немедленно отдай мне гребаный вибратор!

— Обри, тебе нечего стыдиться, — заявил он. — Мы все хотим получать удовольствие.

Все произошло мгновенно. Чэнс продолжал дурашливо размахивать вибратором, а я пыталась выхватить его из чужих рук. Машина виляла из стороны в сторону. Водитель грузовика заметил нашу возню и принялся гудеть. А потом я заметила ЭТО. Животное застыло в свете фар посреди дороги, уставившись на нас полными ужаса глазами. Я изо всех сил рванула руль вправо и врезалась в ограждение, так и не поняв, сбила я бедняжку или нет.

— Он дышит?

От волнения говоря шепотом, я заглянула через плечо Чэнса и увидела, как вздрагивает животик нашей жертвы. Это был совсем маленький козленок, с лохматой, пестрой, как у коровы, шкуркой и выпученными, словно у лягушки, глазами. И этого несчастного малыша я едва не переехала, устроив дурацкую свару в машине из-за чертовой сексуальной игрушки.

Вначале мне показалось, что козленок не пострадал. Но потом он вдруг упал на спину. Его ноги взмыли вверх, как у окоченевшего трупа в дурном фильме ужасов. Мы в растерянности замерли над ним, ожидая, что будет дальше, и совершенно не представляя, что следует предпринять.

Внезапно, козлик дернулся, и не успели мы оглянуться, как он уже снова стоял на всех четырех ножках. От неожиданности мы отпрянули назад. Чэнс загородил меня, широко разведя руки, словно пытаюсь защитить от ужасного чудовища.

Малыш сделал несколько неуверенных шагов, а затем пошел прямо на мой «БМВ», словно не замечая двухтонную стальную махину.

— Боже, наверное, я повредила ему голову. Смотри, бедняга полностью дезориентирован. — Я протянула было руку, чтобы потрогать бедное животное, но Чэнс перехватил ее, останавливая мой порыв.

— Что ты делаешь?

— Я просто хотела взять его на руки. Только посмотри на бедняжку. Он ранен. — Я обошла вокруг Чэнса, опустилась на одно колено и осторожно прикоснулась к козленку. — Это ты во всем виноват.

— Почему это?

— Конечно, виноват. Если бы ты меня не отвлекал, я бы больше внимания уделяла дороге и несчастья бы не произошло. — Козленок потыкался носом в мою руку. — Боже мой! До чего же он хорошенький. — Я погладила малыша по головке, и он еще теснее прижался мордочкой к моей руке.

— Я тут ни при чем. Если бы ты не была тайно помешана на сексе, то не взбесилась бы так, когда я нашел твою волшебную палочку.

Я перестала гладить козленка и выпрямилась.

— И вовсе я не помешана на сексе.

Чэнс скрестил руки на груди.

— Признайся, что ты любишь доставлять себе удовольствие таким образом. Ну же, я хочу услышать, как ты это произносишь.

— И не подумаю.

— Сексуально озабоченная.

— Извращенец.

— Извращенец — это тот, чье сексуальное поведение неестественно или неприемлемо. Вот в этом и состоит твоя проблема. Ты считаешь, что подобное развлечение — это запретное удовольствие. А я считаю, что это совершенно нормально. На самом деле мне даже нравится представлять тебя забавляющейся с этой волшебной палочкой.

Кажется, при этих словах мои глаза вылезли из орбит, как у бедного козлика. В тот же момент мимо нас на дикой скорости промчался грузовик. Это была одна из этих громадных

машин с двойным прицепом, к которым я всегда боялась приближаться на дороге. Он пронесся с таким свистом, что мы сразу вспомнили, что стоим совсем рядом с шоссе.

— Поехали отсюда. Здесь может быть опасно, — сказал Чэнс.

— А что будем делать с Эсмеральдой^[4]?

— С кем?

— С козленком. — Я поскребла ногтями за ухом животного, и козлик тихонько проблеял, как будто произнес: «мма-мма».

— Отпусти его. — Чэнс махнул рукой на заросший деревьями участок за спиной. — Путь идет туда, откуда пришел. С ним все в порядке.

— Нет, не в порядке.

— А на мой взгляд, он совершенно здоров.

— А я думаю, у него травма головы.

Чэнс тряхнул волосами.

— С ним все в порядке. Вот, смотри. — Он хлопнул в ладоши и принялся причмокивать, как будто подзывал собаку. — Ну, малыш. Иди сюда.

Так называемая Эсмеральда даже не пошевелинулась, продолжая прижиматься головкой к моей груди. Тельце козлика оказалось между моими ногами, и всем видом он показывал, что ему и так хорошо.

— Тебе придется его отпустить.

— А я его и не держу.

— Я имею в виду не в физическом смысле. У него голова упирается тебе в декольте, а туловище зажато между ногами. Какой мужик добровольно захочет уйти?

— Все ясно. Именно это я и говорю — ты полный извращенец.

По дороге промчался еще один грузовик. На этот раз он резко прогудел, проносясь мимо нас, и я, по-прежнему сидевшая на корточках, от испуга шлепнулась на задницу. Что касается козлика... он сделал шаг и повалился на землю — одеревеневшие ножки малыша снова взметнулись в воздух. Я была в отчаянии от того, что покалечила такое очаровательное существо.

— Вот видишь — он ранен. Мы не можем оставить его здесь.

— А что нам с ним прикажешь делать? Привязать ремнями безопасности на заднем сиденье и тащить к ветеринару для полного обследования?

* * *

Два часа спустя мы съезжали с шоссе в Стерлинге в штате Колорадо, чтобы отвезти нашего маленького пассажира в ветеринарную лечебницу. Чэнсу пришлось потратить почти полчаса, чтобы выгрузить и переложить мой багаж на заднем сиденье, освобождая место для пострадавшего. Надо сказать, Чэнсу это очень не нравилось.

— Ну что, назовем его Снежинкой?

— Вот уж нет.

— Так звали козочку в детской книжке...

— Точно. Про Хайди. Я в курсе.

— Неужели?

— Что? Ты считаешь меня недостаточно образованным только потому, что я не

выпендриваюсь, как этот твой гребаный Гаррисон?

— Я вовсе не это имела в виду.

— Да неужели? В таком случае почему ты решила, что я не знаком с классическим литературным произведением^[5]?

— Даже не знаю. Просто ты не производишь такого впечатления.

— В таком случае стоит отказаться от привычки судить о людях по внешности. Далеко не все вписываются в узенькие рамки твоего восприятия.

На некоторое время в машине воцарилось молчание, только женский голос в моем GPS периодически давал указания, в каком направлении нам ехать.

— Каракуль.

— Что, прости?

— Предлагаю имя для козлика.

— Только не каракуль! Звучит по-саdistски.

В течение последнего часа мы только и делали, что спорили насчет имени для нашего маленького пассажира. Мне нравились имена из греческой мифологии или классической литературы, в то время как Чэнс все пытался перечислять названия блюд, которые можно было бы приготовить из несчастного малыша.

Мы, наконец, подъехали к ветеринарной лечебнице и заняли свободное место на парковке прямо рядом со входом. Я заставила Чэнса нести козленка на руках, хотя пройти надо было всего три метра. С малышом Эсмеральдой на руках Чэнс выглядел таким... неотразимым.

Я что, действительно выжила из ума? Ведь я и в самом деле подумала, что он кажется еще сексапильнее, неся на руках козла.

Когда мы вошли внутрь, оказалось, что безумие распространяется не только на меня, но и на женщин в регистратуре. Когда Чэнс нес пострадавшего к регистрационной стойке, они просто пожирала глазами его мускулистые руки. Да, это было... зрелище. Пока Чэнс не открыл рот.

— Моя подруга сбила на своем «БМВ» этого козленка, когда пыталась схватиться за вибратор. — Чэнс ухмыльнулся и подмигнул сотруднице ветклиники. Та отчаянно покраснела, а мне захотелось дать ему кулаком в нос.

— Я хочу, чтобы его обследовали. Не знаю, пострадал он или нет, но он кажется таким... дезориентированным.

Чэнс ухмыльнулся и тихо пробормотал:

— И не он один.

Через пятнадцать минут мы наконец-то попали на прием к доктору. Он невозмутимо осмотрел козлика, как будто ему каждый день приходилось иметь дело с такими пациентами. Одной рукой прижимая бедное животное к столу, другой сначала пощупал животик, потом проверил глаза и потряс за ножки. Мне показалось, что доктор весьма добросовестно подошел к делу.

— Кажется, с ним все нормально. У него обычная врожденная дистрофическая миотония, возможно, какое-то время он страдал от недостатка витамина В₁. Но эти симптомы никак не могут быть следствием травмы, нанесенной столкновением с автомобилем. На самом деле я не вижу никаких признаков того, что этот малыш был сбит машиной. Возможно, он просто упал в обморок.

— Козел? Упал в обморок? Вы серьезно?

Доктор добродушно усмехнулся.

— Существует такое явление, как козлий обморок. Это следствие генетического нарушения. Кстати, весьма распространено в здешних краях. Некоторые фермеры даже устраивают целые шоу. Козлы при испуге действительно падают в обморок. Все мышцы у них коченеют, и они опрокидываются на спину. Приступ длится около десяти секунд. При этом они не испытывают боли, но, надо сказать, это довольно необычное зрелище, когда сталкиваешься с этим первый раз.

— Но... он еще и дезориентирован. Когда он поднялся на ноги, то пошел прямо на мою машину. И все время натывается на что-нибудь...

— Наверное, это потому, что он слепой.

— Слепой?

— Полагаю, все из-за того же недостатка витамина В₁. К сожалению, эта проблема сейчас становится весьма серьезной. Неправильное кормление, слишком много злаков и недостаток клетчатки. Фермеры от жадности стараются побыстрее откормить животных. Одним из побочных явлений при этом является слепота.

— Нет уж, давайте внесем ясность в этот вопрос, — скептически произнес Чэнс. — Значит, мы козла не сбивали, но при этом он падает в обморок от испуга, и к тому же он слепой.

— Совершенно верно.

Чэнс громко, безудержно расхохотался. Второй раз за день я видела, как он хохочет. Его грудь содрогалась, а глубокий грудной смех эхом отдавался в комнате. Это было так заразительно, что я не удержалась и тоже принялась истерически хохотать. Мы смеялись от души, так, что слезы покатались из глаз.

— Ну и что нам прикажете с ним делать? — спросил Чэнс, обращаясь к доктору и все еще продолжая посмеиваться.

— Полагаю, все, что вам будет угодно.

— И куда нам его везти?

— Везти?

— Ну да. Есть ли здесь поблизости какой-нибудь приют для животных, куда можно было бы его поместить?

— Для козлов? Не слышал о таком. Хотя здесь в округе полно фермеров. Может, уговорите одного из них принять бедняжку в свое стадо.

— Это те самые фермеры, которые в погоне за скорой наживой стараются раскормить животных, и бедняжки от этого слепнут?

— Ну, здесь есть хорошие фермеры и плохие фермеры. Впрочем, как и везде.

— А как отличить одних от других?

— Никак. Боюсь, это неразрешимая задача.

* * *

Мы провели в дороге уже почти десять часов. Чэнс вел машину, а новообретенный пассажир спал на заднем сиденье и мирно похрапывал. Вот уж не знала, что козлы храпят во сне.

— Скоро надо сделать остановку. Нам придется потратить время, чтобы найти

гостиницу, которая принимает постояльцев с животными.

Брови Чэнса поползли вверх.

— Что? С животными? Ты хочешь сказать, что в этой дыре можно найти гостиницы, которые принимают козлов?

— А что, у нас есть выбор?

— Он будет ночевать в машине, Обри.

— Только через мой труп. — Я сложила руки на груди. — Он не может оставаться ночью запертым в машине.

— Почему бы и нет?

— Потому что... — Я была зла, как черт, из-за того, что он собирался оставить слепого малыша в машине. — Что, если он испугается?

— Тогда он упадет в обморок, — усмехнулся Чэнс.

— Это вовсе не смешно.

— Конечно, не смешно. Послушай, Обри. Выше нос. Между прочим, мы угодили в эту ситуацию прежде всего из-за твоих комплексов.

Не знаю, почему это произошло, но с языка, помимо моей воли, сорвалось признание:

— Да, я иногда удовлетворяю себя. Ну и что тут такого? Доволен, что это услышал?

Чэнс ухмыльнулся.

— Признаюсь, да. — Он пожал плечами. — Я и сам этим иногда балуюсь. В следующий раз, когда буду мастурбировать, наверняка вспомню про тебя.

Не может быть, чтобы он сейчас сказал это!

Я была в ужасе. Но, надо признаться, меня это возбудило. Я открыла было рот, чтобы сказать какую-нибудь гадость... потом закрыла... и снова открыла.

Чэнс мельком взглянул на меня.

— Вот видишь, крошка Обри. Что и требовалось доказать. Ты только что представляла меня, занимающегося этим грязным делом, прямо перед твоим хорошеньким носиком.

— Неправда.

— Ты меня не обманешь.

— Нет, нет и нет.

Увы, он прав, так оно и было.

Как ни странно, но Чэнс не стал продолжать этот разговор. Он съехал с дороги на большую парковку рядом с супермаркетом, напоминающим улучшенную копию «Уолмарта»^[6]. Это был громадный оптовый магазин, напоминающий деревянный склад, — только фасад был у него каменным. На нем красовалась гигантская надпись: «Cabela's — лучший в мире магазин товаров для охоты, рыбалки и путешествий».

— Для чего мы здесь остановились?

— Надо пополнить запасы. — Чэнс припарковал машину. — Я вернусь через десять минут. А ты сторожи Малыша Билли^[7], чтобы его, не дай Бог, не украли.

Я стояла у машины, потягиваясь, когда Чэнс вернулся с большими пакетами в руках. Я делала наклоны вбок, заканчивая комплекс для растяжки, и изогнулась вправо, приветствуя Чэнса.

— Что это такое?

Он ответил не сразу. Я попрыгала на месте, снова сделала несколько наклонов и посмотрела ему в лицо, чтобы понять, почему это он так подозрительно притих. Оказывается, он глазел в вырез моей рубашки. Это была не его вина. Я сама выставила свои

прелести напоказ. Рубашка расстегнулась, выставляя на обозрение все, что, по идее, должно быть скрыто. Я перестала прыгать. В конце концов Чэнс поднял взгляд и увидел, что я наблюдаю за ним. Мы стояли, глядя друг другу в глаза. Я узнала это выражение, я уже видела его раньше. В зеркале, после того, как любовалась его сексапильной задницей.

Чэнс тряхнул головой и несколько раз моргнул.

— Вот. Купил снаряжение.

— Что еще за снаряжение?

— Палатку, фонарь, дрова для растопки, спальные мешки. — Он пожал плечами. —

Основное снаряжение для кемпинга.

— Для чего?

— Для кемпинга! Для отдыха на лоне природы.

— Ты собираешься отдыхать на лоне природы?

Он тряхнул волосами и сунул пакеты туда, где нашел свободное место. Когда я начинала это путешествие, багажник и заднее сиденье были заполнены до предела. А теперь у меня в машине, вдобавок ко всему, был пассажир, козел... да еще и туристическое снаряжение.

— Мы собираемся.

— М-м-м... Я не хожу в туристические походы.

— Ну, тогда Карри, — он указал на заднее сиденье, — будет спать в машине. — Чэнс закрыл багажник и подбоченился с вызывающим видом. — Что выбираешь, Обри? Ночи на природе, или пусть козлик спит в машине один?

Разумеется, я выбрала ночи на природе. В конце концов, все в жизни бывает в первый раз.

— Смею предположить, что тебе приходилось заниматься этим прежде. — Мы прибыли на место для кемпинга только полчаса назад, а Чэнс уже развел костер и заканчивал устанавливать первую палатку.

— Каждое лето с семьей. Отец ежегодно брал нас с сестрой в путешествие по бушу, и мы жили в палатках где-нибудь в дикой местности. Это лучшие воспоминания моей жизни. Разумеется, мы останавливались не в таком бутафорском лагере, как здесь.

— Бутафорском?

— Никаких пронумерованных площадок, туалетов, душевых кабинок и охраны. Мы разбивали настоящий лагерь посреди дикой природы. А как насчет тебя? Ты что-то имеешь против кемпингов?

— Ничего. Я просто никогда не жила в них.

Чэнс закончил устанавливать первую палатку и отступил на несколько шагов, чтобы полюбоваться результатом.

— Очень вместительная палатка.

— Слышал это не однажды, — усмехнулся он.

Я с сомнением покачала головой.

— А зачем тебе такие большие палатки?

— Вот, дьявол! — вскрикнул Чэнс, прихлопнув на лице москита. Внезапный вопль испугал бедного Эсмеральду-Снежинку, он застыл на месте, повалился на землю и потерял сознание. Мы просто не смогли удержаться от хохота.

Чэнс подбросил дров в костер и сел.

— А как быть со второй палаткой? — спросила я, разглядывая Чэнса через пламя костра. Я очень надеялась, что Нахал не ожидает, что я установлю ее сама.

— Какой второй палаткой? — с невинным видом спросил он.

— Ты что, купил только одну?

Чэнс вынул упаковку «Пикси» из бокового кармана и запрокинул голову, чтобы ссыпать сладкий порошок из пакетика прямо в рот.

— В палатке два отделения, разделенные перегородкой. Ты со своим подопечным будешь спать с одной стороны, а я — с другой.

Что ж, я не имела права жаловаться, ведь он выполнил всю работу и за все заплатил. Поэтому на этот раз я прикусила язык — так, для разнообразия.

Мы уничтожили запас еды, который означал для меня месячную норму углеводов, и уселись возле костра. Чэнс карманным ножом выстрогал палочку и нанизал на ее конец зефир, потом протянул мне. Здорово же все это у него получалось!

— Итак, сегодня ночью я делю с тобой одну палатку, мы завели домашнее животное, а я при всем при этом даже не знаю, чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Можешь считать, что я на пенсии.

— На пенсии? В каком возрасте? Двадцать шесть, двадцать семь?

— Двадцать восемь, — уточнил Чэнс.

— Вот как? Это, конечно, многое объясняет. — Было очень темно, особенно за пределами круга, освещенного пламенем костра. Я подняла поджаренный зефир, чтобы проверить его готовность. Он хорошо подрумянился с одной стороны, а с другой остался

белым. — А чем ты занимался до пенсии?

— Футболом.

— Ты играл в профессиональной команде?

— Да, какое-то время. В Австралии.

— И что случилось потом?

— Порвал связку.

— Это неизлечимо?

— Меня оперировали несколько раз, но она снова порвалась.

— Извини. А как долго ты играл, прежде чем это случилось?

— Один матч.

— Один матч? Ты порвал связку в первой же профессиональной игре?

— Да. Моя первая и последняя профессиональная игра. И все в один день.

— Сколько времени прошло с тех пор?

— По контракту я оставался в реестре еще три года. Прошел через несколько операций... но так и не смог вернуться к прежней форме. Ушел в двадцать четыре.

— Черт, это ужасно. Полный отстой.

Чэнс только улыбнулся.

— И чем ты теперь занимаешься?

— Я до сих пор получаю лицензионные выплаты, так что мне нет необходимости просиживать на работе с девяти до пяти. К тому же я увлекся созданием произведений искусства из отходов.

— Из отходов?

— Некоторые называют это скульптурами из вторичного сырья.

— Я ходила на такую выставку в музее Гуггенхайма. Мне понравилось. Хотелось бы когда-нибудь увидеть твои работы.

Чэнс кивнул, но ничего не сказал.

— Могу я полюбопытствовать?

— Имеется в виду — еще больше полюбопытствовать?

— Ты сам сказал, что я должна лучше познакомиться с тобой. Это было как раз перед тем, как я налетела на бедную Эсмеральду-Снежинку.

— Ты даже не коснулась бедолаги. И его зовут не Эсмеральда-Снежинка.

Мой зефир загорелся. Я дунула на него, затем сняла с палочки и откусила. Он был почти жидким и очень горячим. М-м-м.

Я заметила, что Чэнс внимательно наблюдал за мной.

— Хочешь попробовать?

Он лениво покачал головой.

— Почему нет? Ты же сладкая.

— Для меня большее удовольствие — наблюдать за тем, как ешь ты, чем есть самому. — При этих словах он сглотнул, а меня бросило в жар, к которому костер не имел никакого отношения.

— И все-таки. Как ты можешь жить на выплаты, если контракт был только на три года?

Чэнс отвел взгляд в сторону.

— Ну, знаешь, постеры и все такое...

— Постеры с твоим портретом?

— Не слишком ли много мы говорим обо мне? Что-то Гарри сегодня никак не

проявлялся, ты заметила?

— Не получится, даже не надейся. Один раз ты меня уже продинамил, и я позволила тебе соскочить с крючка, но только не сейчас.

Как выяснилось из его рассказа, не я одна находила Чэнса Найтмана до обалдения горячим парнем. Даже годы спустя после того, как он покинул профессиональный спорт, легионы женщин в Австралии все еще активно покупали постеры и майки с его изображением, что приносило кое-какой доход, на который он и жил.

Просидев еще несколько часов у костра, мы решили, что пора поспать. Чэнс разложил мой спальный мешок и застегнул молнию на перегородке нашей двуспальной палатки.

Моя одежда пропахла дымом, поэтому я скинула ее. Было что-то возбуждающее в том, что я стояла в чем мать родила, и между нами был только легкий кусок нейлоновой ткани. Постояв так с минуту, я натянула чистое белье и забралась в спальник. Когда приготовления ко сну были закончены, я немного отстегнула молнию снизу и протянула Чэнсу фонарь.

Он лукаво улыбнулся и снова застегнул перегородку. Моя сторона палатки погрузилась во тьму. Но когда я залезла в спальник, то обнаружила, что мне видно все, что происходит на освещенной половине Чэнса. Это была только тень, но с очень пикантными деталями.

Он стоял лицом ко мне, совершенно неподвижно. Я не была уверена, но казалось, что он смотрит прямо на меня. На самом деле видеть меня через виниловую перегородку он не мог, и все-таки я ощущала на себе его взгляд. Чэнс взялся за края рубашки и медленно стащил ее через голову. Тень его была широка в плечах и сужалась к талии. Я не различала деталей, но живо могла представить то, что видела однажды. Эффектные мускулы живота, спускающиеся вниз в форме буквы V. У меня внезапно перехватило дыхание и пересохло во рту.

Постояв еще некоторое время неподвижно, Чэнс стал очень медленно снимать джинсы. От звука расстегивающейся молнии волосы у меня на затылке встали дыбом. Его бедра были выразительно мускулисты, и боксерские трусы обтягивали их как вторая кожа. Я затаила дыхание, когда он потянулся к поясу и стал неторопливо стягивать трусы, словно счищал кожуру с апельсина. Чэнс наклонился, чтобы снять их, и затем снова выпрямился.

Мама дорогая, храни меня от всех чертовых нахалов на свете! Вот это я понимаю — мужское достоинство! Что и говорить, природа одарила его щедро. Я шумно всхлипнула, поняла, что он может услышать, и зажала рот ладонью. Так и пролежала с зажатым ртом, опасаясь не сдержать стона, пока он полностью не переоделся.

Забравшись в спальник, Чэнс повернулся на бок, лицом ко мне. Интересно, смотрел ли он при этом на меня. Затем он выключил свет.

— Доброй ночи, Обри.

О-ОБРИ-И

Возможно, мне только почудилось, но в его хриловатом глухом голосе прозвучало то же желание, которое терзало и меня.

— Доброй ночи, Чэнс.

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза, пытаюсь прийти в себя. И тут меня осенило... — ведь он наблюдал за мной точно так же, как и я за ним... и я устроила ему показательные выступления со стриптизом. Уж не вернул ли он мне должок в качестве ответной любезности?

Где я? Это была первая мысль, посетившая меня при пробуждении. Через несколько секунд память ко мне вернулась. Солнечные лучи робко пронизывали ткань палатки. Я похлопала рукой по краю спальника, пока не почувствовала под ладонью голую землю, и тут меня словно молнией поразило.

Где козленок?

Я, как ошпаренная, выскочила из спального мешка.

— Чэнс!

— Хм-м, — сонно пробормотал он из-за перегородки.

— Козленок! Его нет. — Меня охватила паника. — Пропал!

Я, не долго думая, рванула молнию.

— Успокойся. Он здесь, со мной.

— Бе-е-е. — Козленок подал голос, словно хотел подтвердить, что я зря паниковала. Я с облегчением прижала руку к груди, чувствуя, как сердце, которое только что бешено колотилось, постепенно успокаивается.

— Слава Богу!

Чэнс сел и провел рукой по спутанным волосам. Сонно моргая, он взглянул на меня и замер, словно оцепенев.

— Боже правый. Ты что, хочешь доконать меня?

Я опустила взгляд и прикрыла грудь руками. Я в такой панике выскочила из спальника, что не успела подумать о том, что спала только в лифчике и трусиках.

— Черт. Прости. Я так испугалась! Мне просто не пришло в голову что-нибудь накинуть на себя.

Отчаянно смутившись, я перебралась на свою половину и спросила из-за перегородки, одновременно натягивая одежду:

— Как получилось, что он оказался с тобой?

— Ты мгновенно вырубилась. Он начал метаться, пытался прорваться на мою половину. Шельмец не успокоился, пока я не пустил его к себе. Продрых у меня под боком всю ночь. В жизни не приходилось спать с такой вонючей тварью.

Я не сдержалась и прыснула от смеха.

— Тебе смешно, юмористка?

— На самом деле да.

Полностью одевшись, я снова расстегнула молнию перегородки. Чэнс стоял передо мной полуобнаженный, одетый только в облегающие боксерские трусы. Он сердито глянул на меня из-под спутанных волос.

— Нарушение личного пространства? Что, если бы я вот так ввалился к тебе несколько секунд назад?

Вздохмаченный после сна, с сердитым взглядом — он никогда еще не выглядел столь сексуально. Мои глаза бесстыдно скользили по его торсу, все ниже к полоске волос, выбивающейся из-под трусов, и остановились на... свидетельстве его сильнейшего возбуждения.

Господи, понятно, отчего у него вдруг проснулась скромность.

Несколько раз кашлянув, чтобы прочистить горло, я промямлила:

— Ты... ты...

— Что, возбужден?

— Да.

— Это называется «утренний стояк», — буркнул он. — Я не несу ответственность за то, каким просыпаюсь... особенно в таких условиях.

— То есть, когда ты проснулся рядом с козлом? Это тебя так завело? — Я рассмеялась.

— Я имел в виду твой недавний импровизированный стриптиз. И теперь ты снова ворвалась сюда, даже не дав мне времени успокоиться.

— Ну, извини.

Чэнс натянул штаны и снова посмотрел на меня. Его взгляд прожег меня насквозь. Сейчас красавчик показался мне еще сексуальнее, поскольку джинсы не скрывали его возбуждения. И хотя мне было немного не по себе от того, что я поставила его в неловкую ситуацию, мысль о том, что именно я вызвала его желание, была приятна. Сказать по правде, моя способность контролировать свое влечение к нему очень быстро таяла. С каждой секундой мышцы в промежности сводило все сильнее только от одного его красноречивого взгляда. Иногда я все же была благодарна судьбе за то, что родилась женщиной — по крайней мере, мне проще скрывать вожделение. Да, испытание не для слабонервных. Надо было срочно разрядить обстановку.

Еще раз откашлявшись, я спросила:

— Ну, так какие у нас планы на сегодня?

Он натянул рубашку.

— Нужно поесть.

— Так мы идем завтракать? — Идиотский вопрос!

— Естественно, завтракать. Не обедать же.

Ой...

— Да, конечно, — сказала я, запинаясь на каждом слове. — Позавтракать не мешает. Я проголодалась. А ты?

— Голоден как волк. — Судя по его взгляду, думал он вовсе не о еде.

Что ж, я тоже чертовски голодна.

— Ну, тогда порядок, — брякнула я и отползла на свою половину, чтобы немного остыть.

У нас ушло около часа на то, чтобы разобрать палатку и упаковать все в машину. Мы решили остановиться и позавтракать на скорую руку в забегаловке, которая как раз находилась перед выездом на автомагистраль. Чэнс зашел внутрь, чтобы заказать буррито и кофе, а я, воспользовавшись случаем, достала телефон и набрала в «Гугле»: *Чэнс Найтмен, Австралия.*

Ага, вот и он. Выскочила длинная вереница фоток. Среди них была одна, на которой Чэнс был изображен вполоборота, без рубашки, вернее, вообще без одежды, только белая футболка была наброшена вокруг шеи. И при этом виднелась самая соблазнительная верхняя часть его аппетитных ягодичек. На фото он демонстрировал свою фирменную сексуальную ухмылку, от которой я буквально заерзала на месте. *Та самая нахальная ухмылочка.* Провалиться мне на месте, если он не был потрясающе хорош собой. Эта картинка попадалась особенно часто. Именно она продавалась в виде постера почти за двадцать долларов, плюс перевозка и доставка. Была даже фотка с какой-то девицей, стоящей у

постера и как бы пытающейся укунить изображение за задницу. Я подозревала, что вполне могли быть и другие извращенцы, например, желающие для прикола прилепить Чэнсу хвост.

Зная, что он может в любую минуту вернуться, я пробегала старые статьи и сообщения на форумах так быстро, что у меня заболели глаза. Было очевидно, что Чэнс прославился в роли травмированного дебютанта и красавца, а не за что-либо еще. Я невольно почувствовала гордость за то, как он сумел повернуть эту неудачу себе на пользу. Прокручивая изображения, я наткнулась на фото, где он позировал на разных мероприятиях в компании какой-то привлекательной модели с копной светлых волос. Пайпер Рэмси. Внезапная волна — да нет, не волна — целый ураганный шквал ревности ударил мне прямо поддых.

Стук в окно заставил меня вздрогнуть. Я отбросила телефон, и он отлетел на водительское сиденье. Ну, ладно, сойдет. Пусть думает, что я просто кинула его туда.

— Опusti окно, я подам тебе кофе, — услышала я сквозь стекло голос Чэнса. Я взяла свой стаканчик, а Чэнс обошел машину и сел на водительское сиденье. — Что ты там рассматривала?

— М-м-м. Да ничего такого. Я просто...

Черт! Кажется, я влипла.

Чэнс взял телефон и, не оставив мне ни единого шанса на объяснения, прокрутил большим пальцем все фото. Затем он швырнул трубку на переднюю панель.

— Что ж, теперь ты видела все, не так ли?

— Да... и это... очень забавно.

Он сердито хмыкнул.

— Забавно?

— Да!

— Объясни-ка мне, Обри, что забавного в том, что вкальываешь всю жизнь ради одного-единственного момента, а потом видишь, как с первой же попытки все усилия превращаются в пепел? Что забавного в том, чтобы приобрести известность благодаря провалу, а не успеху? А знаешь ли ты, что действительно приятное было в нашем с тобой путешествии до этого момента? Ты не смотрела на меня как на того самого парня, которого знает каждая собака. Или думает, что знает. Теперь и ты так думаешь.

Вот черт. Я действительно расстроила его.

— Прости! Мне очень жаль, но я вовсе об этом не думала.

— О чем же ты тогда думала?

— Я думала, как замечательно, что ты смог так достойно держаться перед лицом невзгод и до сих пор продолжаешь делать себе имя благодаря своей внешности. Я думала о том, какой ты потрясающий, если тебя это действительно интересует.

Чэнс тяжело вздохнул и тихо сказал:

— Давай просто поедем.

Я чувствовала себя ужасно из-за того, что обидела и расстроила его. Несмотря на общедоступность Интернета, мне казалось, что я вторглась в его частную жизнь. Больше всего я переживала, что причинила Чэнсу боль, и эта боль отзывалась в моем сердце, хотела я признавать это или нет. А еще я понимала, что запала на него, и это меня пугало.

Неловкое молчание повисло в воздухе, и так продолжалось около часа. Чэнс убирал руки с руля только для того, чтобы покормить Эсмеральду-Снежинку темно-коричневой котлеткой из гамбургера, смоченной в «петушином» соусе. Даже козленку пришелся по душе этот соус.

В конце концов Чэнс нарушил молчание первым.

— Извини, что наехал на тебя.

— Все нормально. Мне правда очень жаль, что я так расстроила тебя.

— Возможно, на твоём месте я поступил бы так же. Просто... все это дерьмо в Интернете... полная ерунда. Так ты никогда не узнаешь, каков я на самом деле. Если тебя что-то интересует, просто спроси меня. Люди, которые размещают весь этот фотохлам, совершенно меня не знают.

— Мне кажется, что я знаю тебя настоящего.

— Возможно, ты действительно знаешь обо мне больше, чем многие другие. Я был самим собой с самого первого момента нашего знакомства. Даже если я веду себя мерзко, мне все равно очень комфортно рядом с тобой, а для меня это редкость.

И снова меня пронзило то самое, знакомое уже чувство.

— Я чувствую рядом с тобой то же самое и не понимаю почему. Просто я, действительно, рада, что наши пути пересеклись.

Он постучал пальцем по голове кивающей фигурки, прилепленной возле лобового стекла.

— Только представь... если бы ты никогда не взяла в руки мистера Обаму, кто знает, где бы мы оба были в данный момент? — Он указал на заднее сиденье. — А где бы сейчас был этот бедолага?

— Вероятно, валялся бы в обмороке на краю дороги.

Чэнс оглянулся на козленка.

— А вместо этого он уничтожает наши припасы и спит с нами в палатке. И я тут ни при чем. Это все твоя заслуга. — Чэнс искоса бросил на меня недвусмысленный взгляд и положил руку на мое колено, заставив вздрогнуть от пронзившего меня желания. — Знаешь, ты просто прелесть. У тебя доброе сердце. Этот придурок Гаррисон еще пожалеет когда-нибудь.

Когда он убрал руку, мне захотелось только одного — чтобы он сделал это снова. От его слов по спине побежали мурашки. Непередаваемое, неожиданное чувство ошеломило меня. Я не знала, как реагировать, поэтому включила радио. Группа «Бич Бойз» исполняла песню «Прекрасные вибрации».

— Послушай-ка! Они поют о тебе и твоей волшебной палочке, Принцесса.

Я прыснула, прикрыв рот рукой, и мы оба расхохотались. Наконец-то мы окончательно преодолели возникшее между нами напряжение, и на душе стало легче.

Несколько часов спустя после того, как мы отъехали от придорожного кафе, где останавливались на обед, Чэнс спросил:

— Ты спешишь попасть в Темекулу к определенному времени?

— Вообще-то я начну работать на новом месте не раньше следующей недели, а дом, который я сняла, уже полностью обставлен, так что мне нет особой нужды спешить. А что?

— Не возражаешь, если мы немного изменим маршрут и заедем до темноты в одно место?

— Конечно. Я полностью за. А что ты задумал? Куда мы едем?

— Туда, где есть отвесные скалы и глубокие пропасти. — Он подмигнул мне.

Ну что ж, ему удалось возбудить мое любопытство.

Мы припарковали машину в чудесном месте с видом на крутые скалистые склоны Большого каньона. Потрясающая красота этого чуда природы поражала воображение.

— Боже, Чэнс! Поверить не могу, почему мне самой не пришло в голову остановиться здесь. Ведь мне так всегда хотелось собственными глазами увидеть Большой каньон, но почему-то не дошло, что он расположен прямо на нашем пути. От этой красоты просто дух захватывает.

Я взглянула на Чэнса и увидела, что он смотрит на меня, а не на величественные скалы.

— Да. Действительно очень красивое зрелище, — тихо произнес он.

— Давай сделаем несколько фотографий.

Чэнс сделал селфи нашей парочки на фоне Большого каньона, а потом послал фото мне. Снимок получился великолепным. Солнечный свет делал синие глаза Чэнса еще ярче, и мы оба выглядели вполне счастливыми и умиротворенными. Я невольно пожелала, чтобы это мгновение длилось вечно и чтобы нам не надо было скоро отсюда уезжать.

Мы сидели, любуясь всполохами разнообразных оттенков красного, которыми заходящее солнце расцвечивало величественный пейзаж.

Чэнс внезапно произнес:

— Расскажи мне о своей семье.

— Моя мать живет в Чикаго. Она вовсе не приветствовала мою идею перебраться в Калифорнию, ведь я ее единственный ребенок. Правда, с тех пор как она снова вышла замуж, мне казалось, что она не так уж нуждается во мне. Отец умер через год после того, как я закончила юридический факультет, поэтому он, по крайней мере, видел, что я осуществила его мечту — стала юристом, как и он сам.

— Значит, это была его мечта, а вовсе не твоя, — с явным сочувствием заметил Чэнс.

— Ты угадал. Это не то, что я бы хотела сама.

— А о чем мечтаешь ты?

— Хочу быть счастливым и успешным человеком, но понятия не имею, что для меня на самом деле важно или как это осуществить. Я сейчас в подвешенном состоянии — такое ощущение, что я стою на распутье в преддверии каких-то больших перемен в жизни.

— Это не самое плохое состояние, поверь. Самое время обрести себя, особенно, если ничто тебя не связывает.

— Да, полагаю, ты прав.

— Кстати, похоже, что мы отпугнули этого козла Гарри навсегда.

Нашему громкому хохоту ответило звонкое эхо.

Я вытянула руки вверх, глядя в синее, бескрайнее небо.

— А знаешь что? Я сейчас абсолютно счастлива. Все, что сейчас происходит — это наше маленькое приключение, — радуется мою душу.

Чэнс искренне улыбнулся.

— У тебя добрая душа. Я это могу сказать абсолютно точно, несмотря на то, что ты пытаешься казаться стервозной сукой. А знаешь, почему ты счастлива?

— Почему?

— Потому что ты, наконец, освобождаешься от всего, что тебя сковывало.

— Хочешь сказать, что это именно ты выдернул палку из моей задницы, когда прошлой

ночью я спала в палатке?

— Точно. И сжег ее на костре. — Он похлопал меня по плечу.

Я улыбнулась и постаралась перевести разговор с моей персоны на его проблемы.

— А как насчет твоей семьи? Где они живут?

Чэнс сразу помрачнел, поскреб подбородок.

— Как и ты, я потерял отца, — сказал он после некоторого молчания. — Он умер от рака поджелудочной железы через несколько лет после моей травмы.

— Мне очень жаль, — выдавила я из себя, жалея уже, что подняла эту тему.

— У меня есть сестра, Адель, — продолжал он. — Она на два года младше меня. После смерти отца они с матерью решили переехать обратно в Штаты, а я остался в Мельбурне. Я никогда не планировал возвращаться и съезжаться с ними, но Адель угодила в пренеприятнейшую историю. Она нуждалась во мне. У меня просто не осталось выбора. Пришлось все бросить и приехать сюда решать ее проблемы.

— А что случилось?

— Это долгая история, но если вкратце, она связалась с наркодилером и сама начала принимать наркотики. Это был суший кошмар.

— Боже, это и правда ужасно.

— Я испытываю чувство вины, ведь после смерти отца это я должен был стать главой семьи и присматривать за сестрой. А я спрятал голову в песок, как страус, остался в Мельбурне и понятия не имел, какие ужасные вещи творятся с Адель.

— А где она сейчас?

— Живет в Хермоса-Бич, неподалеку от меня.

— С ней сейчас все нормально?

— Она немного оправилась, хотя процесс реабилитации еще не закончен. Но главное, она рассталась с этим ублюдком.

— А как твоя мама?

— На самом деле я как раз возвращался от матери — ненадолго ездил навестить ее, — когда встретился с тобой. Она временно перебралась в Айову, чтобы быть поближе к бабушке, своей матери. Дело в том, что бабушка умирает. А так мама тоже живет в Калифорнии, рядом с нами. Вернее, жила, пока бабушка не заболела.

— Соболезную по поводу твоей бабушки.

— Спасибо.

— Думаю, это благородно с твоей стороны — бросить все, чтобы прийти на помощь сестре.

— Понимаешь, до того момента вся моя жизнь подчинялась исключительно моим собственным эгоистическим интересам. А потом я понял, что на этом свете нет ничего важнее семьи. Адель и мама — это самое главное, что у меня есть.

— Им повезло, что у них есть ты. Как бы мне хотелось иметь большую семью.

— Когда-нибудь у тебя будет своя большая семья.

— Мне бы этого очень хотелось, но не уверена, что у меня на роду так написано. Как правило, мне не везет с мужчинами.

— Вот только не говори, что тебе в жизни попадались еще большие уроды, чем Гаррисон.

Я усмехнулась.

— Все они были примерно в том же духе.

— Дай-ка я угадаю. После того, как ты их бросала, они начинали за тобой бегать. Я прав?

После минутного молчания я произнесла:

— Теперь, когда я вспоминаю об этом... наверное, ты прав. У меня было всего несколько серьезных романов, но все эти парни в какой-то момент действительно возвращались, прося дать им второй шанс. Что ты на это скажешь?

— Есть у меня смутные догадки.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду...

— Такие девушки, как ты, на дороге не валяются.

— Такие девушки, как я? Поясни, пожалуйста.

— Ну, хорошо. Несложно найти красивую девушку, верно? Можно найти даже умную. И иногда попадаются девушки с добрыми сердцами. Но, судя по моему собственному опыту, безумно трудно найти все три качества в одном флаконе.

— Вот только не надо говорить, что у тебя трудности с выбором женщин, Чэнс Найтмен. Ты можешь заполучить любую, какую только захочешь.

Он сощурил глаза и лукаво посмотрел на меня.

— Правда? Ты действительно так считаешь?

— А разве я не права? Ты, наверное, притягиваешь девиц как магнит.

— Думаю, я магнит для сумасшедших психопатов со стервозным характером.

— Неужели тебе действительно никогда не встречались девушки с набором качеств, которые тебе нравятся?

— Однажды мне показалось, что я нашел идеал, но потом выяснилось, что я глубоко заблуждался. Думал, что это любовь, а оказалось — лишь увлечение.

— Ты имеешь в виду Пайпер?

Он внезапно помрачнел и опустил глаза.

— Да.

— А что случилось?

— Пайпер была моей невестой.

— Вау! Ты собирался жениться на ней?

— Да. Сделал ей предложение после трех месяцев совместной жизни. Глупо с моей стороны.

— Но она великолепна!

— Ты гораздо красивее, — быстро произнес он.

— А ты — наглый лжец!

— У меня нет причин врать тебе. Я видел ее без макияжа. И тебя тоже видел. Вот потому и говорю, что ты красивее.

Судя по фотографии, которую я видела, Пайпер была худощавой блондинкой, по всем меркам — необыкновенно красивой. Как могла сравниться с ней я со своими округлыми формами и вечно спутанными каштановыми кудряшками с рыжеватым оттенком?

— Как ты можешь такое говорить? Она же супермодель, от которой все тащатся.

— Твоя красота более естественна. Тебе даже не требуется макияж. Волосы вечно в таком живописном беспорядке. Очень сексуально выглядит. Веснушки, покрывающие твой носик, придают лицу оригинальность. Так и хочется поиграть в «Соедини точки». Когда ты двигаешься, твоя грудь подрагивает, потому что она настоящая. И вот только не надо заставлять меня описывать твою попку, а то я сейчас как разойдусь... Мне продолжать?

Я отчаянно смутилась и, отведя взгляд, спросила с нервным смешком:

— А что с Пайпер случилось потом?

— Ну, как тебе, наверное, стало известно из собранных разведданных, Пайпер сама по себе знаменитость. Я встретился с ней в ночном клубе как раз в то время, когда только был зачислен в команду. После травмы она еще некоторое время пробыла со мной. Ей нравится быть в центре внимания, и шумиха, поднятая по поводу моего неожиданного несчастья, была ей по душе. Но по прошествии нескольких месяцев ажиотаж вокруг меня понемногу утих. Я перестал соответствовать ее запросам. Пережив легкую депрессию, я не хотел больше выходить в свет. Она же продолжала вести бурную жизнь и, в конце концов, за моей спиной завела роман с одним из моих товарищей по команде. Сейчас она за ним замужем, и у них двое детей.

— Вот же п...!

Чэнс от души расхохотался, запрокинув голову.

— Принцесса, ты только что использовала неприличное слово на букву «п».

— Да, первый раз в жизни, но по-другому ее не назовешь.

— Вот уж не подозревал, что ты способна так грязно ругаться.

— Я сама не подозревала, но мне стало гораздо легче.

— Мне нравится, что ты это сказала. Думаю, тебе надо прокричать это снова, чтобы скалы каньона услышали тебя.

— Думаешь?

— Конечно. Ну, сделай это снова! Крикни во весь голос!

— П...!

— Снова.

— П...! — заорала я изо всех сил.

Мы услышали стук из-за стекла моей машины, припаркованной неподалеку. Чэнс вскочил, чтобы проверить, что случилось.

— Вот черт! Твои вопли до усрачки напугали Каракуля, и он снова грохнулся в обморок.

— О нет, только не это.

— Но это еще не все.

— Что еще? — Я вскочила на ноги и понеслась к нему.

— Когда я говорю «до усрачки», я именно это и имею в виду. Это засранец обделал все твоё заднее сиденье.

— Что?!

Чэнс старательно вычистил все это безобразие с помощью влажных салфеток, но все возвышенное настроение, навеянное красотами Большого каньона, оказалось безнадежно испорчено. К тому же опускались сумерки, не позволяющие дальше наслаждаться пейзажем.

— Ты не возражаешь, если сегодня мы не будем ночевать в палатке? — спросила я. — Мне так хочется принять душ и выспаться в нормальной постели.

— Как скажешь. Мы найдем какую-нибудь гостиницу неподалеку, съедим вкусный ужин, примем горячий душ и пойдем баиньки. Я тоже хочу спать в твоей постели.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что тоже хочу спать в постели.

— А-а... А если мы не найдем гостиницу, где нам разрешат взять козленка с собой?

— А мы и не найдем. Поэтому нам придется пронести его тайком.

По пути в отель Чэнс попросил остановиться у аптеки, а я ждала его в машине. Когда он

вернулся, то вручил мне пластиковый пакет с бутылочками воды, какой-то едой, клейкой лентой и... памперсами.

— Зачем ты купил памперсы?

— Как зачем? Надо каким-то образом надеть их на козла, особенно если он страдает поносом, а после этого мы спокойно пронесем его в отель.

— Просто поверить не могу, что я оказалась такой дурой и даже и не подумала об этой проблеме. Он же не какал все это время!

Чэнс указал на заднее сиденье.

— Ты же видела, какую кучу он только что наложил. Просто у него несколько дней был запор!

Мы оба разразились истерическим хохотом, так, что даже пришлось утирать слезы с лица. Когда мы, наконец, успокоились, Чэнс завел машину и направился в сторону трассы.

Где-то в центре Аризоны Чэнс въехал на парковку довольно симпатичной элитной гостиницы, расположенной в десяти минутах езды от федеральной трассы. После того, как я получила ключи от номера, мы приступили к осуществлению заранее разработанного плана — пока я заговаривала зубы сотруднику отеля, дежурящему у стойки регистрации, Чэнс должен был незаметно пронести козлика, завернутого в мой шерстяной шарф, прямоком в лифт.

Я поднялась в номер и увидела, что Чэнс уже открыл дверь, разделяющую наши комнаты, успел натянуть на Эсмеральду-Снежинку два памперса и сверху замотал скотчем, чтобы они лучше держались. Чэнс не заметил, как я вошла и теперь стояла, наблюдая, как козленок прыгает к нему на колени и принимается вылизывать лицо.

— Все хорошо, приятель. Успокойся. Ты же хороший мальчик, правда? Я же говорю — хороший...

— Как мило ты с ним общаешься...

Чэнс быстро обернулся, явно удивленный моим неожиданным появлением.

— Этот засранец нравится мне все больше и больше.

— Мне знакомо это чувство.

«Потому что чувствую, как все больше привязываюсь к тебе».

— Я вот что думаю. Выйду-ка я, пожалуй, и принесу что-нибудь вкусное на ужин. Хочешь немного вина?

— Не откажусь. Признаюсь, просто мечтаю выпить бокальчик.

— Какое ты любишь?

— Любое белое.

— А я предпочитаю красное. Принесу, пожалуй, оба.

— Вот и прекрасно, — улыбнулась я. — А ты знаешь, где купить вино?

— Судя по карте, здесь целая улица ресторанов и винный магазин в двух милях от дороги.

— Хорошо. Думаю, я приму душ, пока ты едешь.

— Отлично. Какие пожелания насчет ужина?

— Удиви меня.

Он ушел, а я удалилась в роскошную ванную комнату. Стоя под струями горячей воды, я чувствовала, как вырываются наружу все эмоции, которые я старательно подавляла последние дни. До меня вдруг дошло, что мы находимся на конечном этапе нашего

путешествия. Я терялась в догадках, не представляя, разойдутся ли наши с Чэнсом пути после того, как он достигнет места назначения, или ему все же захочется продолжить наше общение. Судя по случайно подслушанному телефонному звонку, было ясно, что он от меня что-то скрывает. Я так и не спросила его, когда он признался, что находится в «затруднительной ситуации», есть ли кто-то в его жизни сейчас. Даже допуская, что это может быть так, я не могла подавить растущее влечение к нему. Чэнс — это было единственное правильное начало в моей нынешней жизни — с ним я ощущала себя в своей стихии, чего со мной уже довольно давно не случалось.

В ожидании Чэнса я надела майку и хлопковые шорты и сидела, пытаюсь смотреть какой-то фильм по каналу НВО. Эсмеральда-Снежинка скакал рядом со мной на кровати. Прошел уже час, а Чэнса все не было. С каждой минутой я чувствовала, как в глубине сердца растет беспокойство.

А если он вообще не вернется?

Это была глупая мысль. Он не дал мне никаких поводов так думать. И все же меня внезапно охватила паника. Может, я просто слишком устала от поездки и предаюсь бредовым фантазиям? Прошло еще полчаса, и я набрала его номер. Он не ответил.

С каждой минутой отчаяние росло, и глаза начали наливаться слезами. Я ничего не могла поделать. Я знала, что реагирую, наверное, слишком бурно, но потеряла контроль над собой еще в ванной, а странное отсутствие Чэнса лишь добавило масла в огонь.

Внезапно дверь распахнулась, и я вскочила, утирая слезы.

— Черт побери эти гребаные пробки, — проворчал Чэнс.

Он держал в руках два пакета с едой, которые бросил на стол в моей комнате. Тут Чэнс заметил мое зареванное лицо.

— Обри, ты плачешь? Что-нибудь случилось?

— Нет-нет. Со мной все в порядке. Ничего страшного.

Он подошел ко мне.

— Я бы так не сказал. Что, твою мать, здесь происходит?

— Тебя так долго не было... Я набрала твой номер, а ты не ответил. Вот я и подумала, что вдруг...

Вот дерьмо.

Он часто заморгал.

— Ты подумала, что я не вернусь?

— Всего на какой-то момент, да... В глубине души я знала, что это нелепо, но не могла справиться с собой. Мы так долго уже едем вместе, и я... наверное, я просто устала.

Большим пальцем Чэнс нежно смахнул слезы с моих глаз.

— Извини, что напугал тебя. — Он взял меня за подбородок и повернул мое лицо так, чтобы посмотреть в глаза. — Я бы никогда не мог поступить так с тобой.

Мое сердце бешено заколотилось, и он прижал меня к себе. Казалось, я таю и растворяюсь в тепле его крепкого тела. Его сердце билось в унисон с моим, и он сжал меня еще сильнее. Только не отпускай меня! Пожалуйста!

Когда он разжал руки, я вдруг почувствовала, что мне холодно.

— Мы можем забыть об этом? — робко попросила я. — Это был всего лишь приступ безумия. — Я вытерла остатки слез и хлопнула носом. — А почему ты ездил так долго?

Чэнс не отвечал. Просто стоял и с самым серьезным видом всматривался в мое лицо. Казалось, его гложет какая-то мысль. Никогда раньше он не смотрел на меня с таким

выражением. Наконец он произнес:

— Мне пришлось объехать два ресторана. В первом мне заявили, что придется подождать часок, во втором дела обстояли не лучше. — Он вытащил телефон из кармана и подсоединил его к зарядному устройству. — К тому же, телефон разрядился. Вот почему ты не могла дозвониться.

Я покачала головой, бормоча извинения и чувствуя себя полной дурой из-за своей нелепой истерики.

Чэнс протянул мне стаканчик с вином.

— Давай и правда забудем об этом и просто с удовольствием поужинаем.

Изо всех сил стараясь улыбаться как можно искреннее, я произнесла:

— Звучит заманчиво.

Мы сидели друг напротив друга за маленьким столом в моей комнате и в полном молчании поглощали пищу. Чэнс заказал три основных блюда в итальянском ресторане: лазанью с баклажанами, цыпленка с пармезаном и пасту с овощным соусом. Вино мы пили из бумажных стаканчиков.

— Я знаю, что жратвы у нас просто завались, но просто подумал, что этот парень тоже захочет поесть, — сказал он, ставя на пол тарелку с едой для Эсмеральды-Снежинки.

Тем не менее напряжение, повисшее в воздухе, так и не прошло во время ужина. Я, не переставая, подливала в свой стакан «шардонне», чтобы унять чувство вины.

После того, как мы убрали со стола, Чэнс сразу же удалился в свою комнату. На душе у меня было пусто и скверно. Может быть, я напугала его своими слезами? Я лежала на постели, тупо уставившись в потолок, который медленно кружился перед моими глазами. Опыянение придало мне излишнюю смелость, я встала и открыла дверь, соединяющую наши два номера.

Из ванной доносился шум воды, а козленок преданно ждал хозяина у закрытой двери. Я завалилась на кровать Чэнса и свернулась калачиком, уткнувшись в мягкую пуховую подушку. Чэнс, наконец, вышел из ванной и остолбенел, остановившись рядом с кроватью. На нем не было ничего, кроме белого полотенца вокруг бедер. Мокрые густые волосы были зачесаны назад. Капельки воды медленно катились по груди. Внезапно охваченная желанием, я облизала губы. Сердце просто рвалось из груди.

— Что это ты тут делаешь, Обри?

Я резко села на кровати.

— Ты не хочешь, чтобы я тут была?

Он на секунду закрыл глаза, а затем произнес:

— Обри, уже слишком поздно. Думаю, будет лучше, если ты пойдешь в свою комнату.

Что-то не похоже на него.

Сердце у меня упало. Крайняя степень унижения — и это еще мягко сказано — вот что я почувствовала в тот момент, когда произнесла, стараясь казаться равнодушной:

— Ой, хорошо. Ты прав, я просто не поняла, что уже так поздно.

Он стоял посреди комнаты, придерживая большими руками полотенце, такой высокий и мощный, что я почувствовала себя маленькой и ничтожной, проходя мимо него к двери.

Я вернулась в свою комнату, несчастная и одинокая, и всю ночь металась в постели, ворочаясь с боку на бок и размышляя, почему вдруг Чэнс так внезапно охладил ко мне. Он же сегодня неоднократно давал мне понять, что испытывает влечение. Мы, наконец, стали

доверять друг другу. Мы так весело смеялись. Он даже сказал мне, что я красивая. Может быть, я все неправильно поняла? Может, он говорил все это лишь из вежливости? Вполне возможно, что он находил меня привлекательной, но на самом деле не хотел никаких прочных отношений. А может, его просто напугали мои слезы? Я просто отказывалась что-либо понимать. Одно было ясно — в конце нашего путешествия меня ждут лишь разочарование и боль разлуки.

На следующее утро, завтракая в кафе, мы оба чувствовали себя неловко, но не так, как предыдущей ночью в палатке, когда к смущению примешивалось приятное волнение. Я всю ночь терзалась болезненными фантазиями, и отчаяние из-за того, что он вчера фактически отверг меня, переросло в раздражение.

— Все в порядке, принцесса?

— Все просто замечательно. — Я старалась не смотреть ему в глаза, уставившись в окно и глотая кофе. Он был горьким... впрочем, как и мое настроение.

Чэнс откинулся на спинку диванчика, положив на нее руки.

— Возможно, я не специалист по части женской психологии, но я достаточно много знаю о женщинах, чтобы понять, что «все просто замечательно» означает «все просто дерьмово».

— Ну, значит, ты плохо меня знаешь. Когда я говорю «замечательно», это и значит «замечательно».

Чэнс проигнорировал мои слова и продолжал сеанс психоанализа:

— И скорость, с которой произносится слово «замечательно», прямо пропорциональна степени недовольства жизнью. — Чэнс сделал глоток кофе и подал кофейник мне. — А ты произнесла «замечательно» очень быстро.

Тут к нашему столу подошла официантка, и нам пришлось замолчать. Мы сидели, пристально глядя друг на друга.

— У вас все в порядке?

— Просто замечательно, — быстро ответила я. Это прозвучало так резко, что официантка отпрянула.

— Извините. У нее месячные, а она в это время всегда такая раздражительная. — Чэнс пожал плечами, и официантка посмотрела на него понимающе. Думаю, она действительно прониклась к нему сочувствием.

Я подождала, пока она уйдет.

— Может, хватит?

— Ты о чем?

— Может, хватит сочинять обо мне всякие небылицы?

— Подозреваю, что это вовсе не небылицы. Ты ведешь себя сегодня как сущая стерва. Может, по этой самой причине? У тебя случайно не месячные, Обри? Может, в этом проблема?

— Я вовсе не веду себя как стерва. И проблема вовсе не в этом.

— Значит, ты признаешь, что проблема существует?

— Это что, допрос? Ты вообразил себя следователем? А я-то думала, что ты фотомодель, продающая свою задницу.

Чэнс бросил на меня недобрый взгляд, я ответила ему тем же. По крайней мере, я достаточно его разозлила, чтобы он заткнулся до конца завтрака. Настроение было окончательно испорчено, и мы дожевали нашу еду в полном молчании. Потом Чэнс сводил козлика на прогулку, и мы снова пустились в путь.

Чэнс вызвался вести машину первым. Через пять минут после того, как мы отъехали от отеля, зазвонил мой телефон. На экране высветилось имя «Гаррисон».

— Разве ты не хочешь поговорить со своим красавцем? — шутовским тоном спросил Чэнс, но я ответила с полной искренностью:

— Нет. Я взяла за принцип не наступать дважды на одни и те же грабли. Своими выходками он показал свое истинное лицо. И не имеет значения, какие слова он будет произносить сейчас.

Его глаза странно сверкнули, и он вновь уставился на дорогу. Мы около часа ехали в полном молчании.

— Как ты относишься к тому, чтобы еще раз отклониться от маршрута? Например, провести пару ночей в Городе грехов?^[8]

Мне было грустно отказываться, но идея провести с ним еще две ночи вовсе не казалась разумной. Я уже испытывала к нему чувства, которые он не разделял, поэтому надо соблюдать дистанцию.

— Я, пожалуй, поехала бы сразу в Калифорнию.

Было заметно, что мой ответ расстроил Чэнса, и это внесло в мою душу еще большее смятение.

— Хорошо. Если ты этого действительно хочешь...

Несколько часов спустя, когда пришло осознание, что это наш последний полноценный день вместе, меня охватило уныние. Мы остановились, чтобы заправиться. Чэнс, как всегда, жевал палочки «Пикси», когда вернулся к машине.

— Хочешь пососать? — Он вытащил целую горсть длинных ярко-красных конфет из заднего кармана.

— Нет, благодарю.

— Ты уверена? Похоже, пососать тебе не помешало бы. — Он подмигнул мне.

— Зачем ты это делаешь?

— Что именно? Ем конфеты?

Мы снова сели в машину. За рулем был Чэнс.

— Нет. Все время отпускаешь в мой адрес двусмысленные замечания с сексуальным подтекстом.

— Наверное, потому, что в твоём присутствии меня одолевают грешные мысли. — Он отъехал от бензоколонки и выехал с парковки.

— Ну да, за исключение прошлой ночи, — пробормотала я себе под нос, видимо, громче, чем намеревалась.

— Что ты имеешь в виду?

— Как хотелось бы, чтобы вчерашней ночи не было. Я чувствовала себя полной идиоткой. Тебе не следует притворяться, что ты находишь меня привлекательной, лишь для того, чтобы поднять мне сегодня настроение. Я уже взрослая девочка для таких вещей.

— Что? — Его брови сошлись на переносице. — Ты правда так думаешь? Я имею в виду, что ты мне не нравишься?

Я пожала плечами и закатила глаза.

Чэнс пробормотал ругательства и съехал на обочину. Мы еще и мили не проехали после заправочной станции. С такой скоростью я никогда с ним не расстанусь. Он остановил машину на парковке и вышел, хлопнув дверью. Казалось, машина содрогнулась от его гнева. Я наблюдала из окна, как Чэнс ходит взад-вперед. Он подергивал себя за волосы, ворча что-то под нос. Я не могла разобрать, что он произносит, но не приходилось сомневаться, что там присутствует полный набор непечатных слов.

Из-за чего это Чэнс вдруг так разъярился? Из-за того, что я поймала его на том, что он пудрит мне мозги? Потому что ему самому неловко, что он меня отшил? Я была даже рада, что он разозлился, потому что и сама была в таком состоянии. Спустя несколько минут я тоже вылезла из машины.

— Знаешь что? Успокойся, наконец. Тебя всего лишь поймали на нечестной игре. Между прочим, когда тебя вот так отшивают, это действительно полный отстой, — продолжала издеваться я. — Хотя я уверена, что ты это никогда не испытывал на своей шкуре.

Чэнс перестал ходить взад-вперед и уставился на меня. Мускулы на его подбородке подрагивали, и складывалось такое впечатление, что он вот-вот меня ударит. По правде говоря, мне этого даже хотелось. По крайней мере, тогда все встало бы на свои места.

— И знаешь еще что? Множество мужчин находят меня привлекательной. И мне пофиг, что ты так не считаешь. На самом деле, ты ничуть не лучше Гаррисона. Говоришь одно, а делаешь другое.

И это произошло. Он, наконец, взорвался. Хотя вовсе не так, как я ожидала. Чэнс пошел ко мне. Он был явно вне себя от ярости. Я отступала, пока не уперлась в машину, лишившись свободы маневра. Чэнс приблизился вплотную, как говорится, нарушая мое личное пространство. Он положил обе руки на капот, поймав меня в ловушку между машиной и своим горячим телом, а потом приблизил лицо так, что наши носы почти соприкоснулись.

Я отчаянно боролась с собой, чтобы не доставить Чэнсу удовольствие увидеть мои слезы, несмотря на то, что сердце мое просто разрывалось на куски. Между тем Чэнс продолжал:

— Я испытал к тебе влечение, когда увидел в первый раз в том магазинчике. Когда ты развлекалась с этой глупой статуэткой. Подумал: какая красавица. Просто роскошная женщина. Но теперь ты меня не привлекаешь. Теперь, когда я узнал тебя лучше, это не просто влечение.

Мне так хотелось послать его в пешее эротическое путешествие. Но даже сейчас, когда он говорил мне все эти чудовищные вещи, я была словно под воздействием его гипнотических чар. Глаза его, обычно синие с сероватым оттенком, стали почти серыми от злости. Его грудь тяжело вздымалась, а исходящий от него запах дурманил меня. Я стояла, не шелохнувшись, слушая гневную тираду. Потому что, по правде говоря, была буквально парализована.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

«Семейка монстров» — сериал о приключениях жутковатого, но добродушного семейства Мюнстеров. Глава семьи Герман — полный аналог франкенштейновского монстра, его жена Лили и тесть — вампиры со стажем, а младший сын Эдди — оборотень.
(Здесь и далее прим. пер.)

Chance — шанс (*англ.*).

Порошок для приготовления фруктовых прохладительных напитков.

Эсмеральда — героиня романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», у которой была козочка. Кстати, козочку звали Джали.

Речь идет о книге «Хайди, или Волшебная долина» авторства Йоханны Спири.

Walmart — сеть универсальных магазинов, торгующих широким ассортиментом товаров по ценам ниже средних.

Персонаж британского комедийного фильма ужасов «Месть Малыша Билли» о козленке, который возвращается с того света, чтобы расправиться с убившим его человеком.

Лос-Анджелесе.